

Георгий Скрипкин

*Любовные
похождения
Меченосца*

Георгий Скрипкин

Любовные похождения Меченосца

«Издательские решения»

Скрипкин Г.

Любовные похождения Меченосца / Г. Скрипкин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-850627-7

Написанный мною роман посвящен одному из сибирских мальчишек, который в лихое военное время попробовал женской любви, и с этого времени его основным занятием стало обольщение женщин. Говоря в этой книге о любовных победах своего героя, я ни в коей мере не хочу заронить в сознание читателя мысль о том, что без каких-либо потуг можно завладеть большинством женщин. Я просто упускаю многие моменты, связанные с поражениями моего героя. И делаю это осознанно, дабы не оскорбить мужское достоинство.

ISBN 978-5-44-850627-7

© Скрипкин Г.
© Издательские решения

Содержание

Явление на свет	6
Детские забавы	8
А где-то была война	11
Любовь на линии фронта	14
С Викой не соскучишься	26
Слесарные будни с налетом эротики	31
На нарах жестко и тревожно	36
Возвращение на родину	38
Дорога на запад	44
Здравствуй, Ленинград	52
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Любовные похождения Меченосца

Георгий Скрипкин

© Георгий Скрипкин, 2017

ISBN 978-5-4485-0627-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Явление на свет

Пашка родился в маленьком сибирском городке, расположенном на берегу такой же маленькой речки Балуйки в семье столяра местной табуретной фабрики Петра Акимовича Филаретова.

Жена Петра Акимовича Авдотья разродилась Пашкой как раз в канун Международного женского дня 8 марта, что сулило новорожденному счастливое и интересное будущее.

Петр Акимович был безмерно рад появлению Пашки, так как до него Авдотья приносила ему только дочерей. Пятилетняя Наталья и трехлетняя Ольга по вечерам ластились к Петру Акимовичу, обмазывая его обильными соплями, но...

– Девки что, – думал Петр Акимович, беря голенького Пашку на руки, – выскочат замуж и поминай, как звали, а тут продолжатель фамилии, Филаретов Павел Петрович. Это тебе не хухры—мухры.

А в это время не хухры—мухры Пашка включил свой напрягшийся фонтанчик и окатил отца теплой соленой струей.

– Ах ты, баловник, – покачал головой Петр Акимович, – окатил отца с ног до головы.

– Чай, мужик, – вступила в разговор Авдотья, – ишь, как тужится.

– Да уж, забирай-ка ты нашего мужичка, пока он меня не заговнял, – сказал Петр Акимович и передал сына Авдотье.

И только приняла Авдотья Пашку из рук своего мужа, как тот поднатужился, пукнул и выдал приличную кучу детской неожиданности.

По избе потянуло чем-то кисленьким, отчего лица у Натальи и Ольги неестественно перекосились. Заткнув носы руками, они отошли в дальний угол комнаты и, усевшись на скамейку, стали следить за действиями матери.

Авдотья, зачерпнув из бочки ковш холодной воды, принялась замывать обгаженную детскую попку.

Пашка от неожиданности весь съезжился, потом, поняв, что над ним измываются, принялся кричать, как ошпаренный. На мат его крик явно не походил, но сестренки все же заткнули пальцами свои уши.

Чтобы утихомирить малыша, Авдотья вытащила из блузки одну из своих мощных грудей и попыталась воткнуть сосок в рот Пашке.

Пашка сначала завертел головой, словно пытаясь увернуться от груди, но, учуяв приятный запах материнского молока, ухватился деснами за сосок и принялся активно всасывать приятную теплую жидкость. Его глаза при этом медленно закрылись то ли от приятной близости материнской груди, то ли оттого, что после нервного потрясения сон сморил маленькое создание.

Уложив Пашку в люльку, Авдотья накрыла на стол, и глава семьи разрешил детям занять свои места.

В центре стола в чугушке томилась картошка, а рядом с ним лежала большая краюха хлеба и стояла деревянная тарелка с квашеной капустой. Петр Акимович взял большой нож и отрезал от краюхи хлеба несколько толстых кусков.

Да, чуть не забыл. В самый последний момент Авдотья достала из буфета початую четверть самогону и поставила ее возле Петра Акимовича.

Петр Акимович наполнил стакан мутноватой жидкостью, перекрестился и, сказав: «Ну и с богом», осушил его одним залпом. Потом зацепил рукой большой пучок квашеной капусты и забросил его в рот. Проглотив капусту, он взял деревянную ложку и положил себе в тарелку четыре дымящихся картофелины.

И только после этого Авдотья принялась раскладывать дымящуюся картошку по тарелкам дочерей. Таков был устоявшийся порядок – сначала отцу, а потом всем остальным.

Наполнив стакан во второй раз, Петр Акимович вновь перекрестился и произнес:

– За сына, за мою кровинушку.

Сказав это, он, как и в первый раз, осушил стакан за один глоток. Закусив картошкой с капустой, Петр Акимович посмотрел масляными глазами на Авдотью и произнес:

– Молодец ты у меня, Авдотья, сначала двух помощниц принесла, а вот теперь богатыря сподобила.

Говоря это, он наполнил свой стакан в третий раз – бог любит троицу.

Выпив в третий раз, он перевернул стакан, доел картошку и встал из-за стола.

В будние дни больше трех стаканов Петр Акимович себе не позволял. Только в воскресенье он мог расслабиться и пропустить за день стаканчиков пять, а иногда и десять.

Крепок был Петр Акимович в свои тридцать пять лет и сколько бы не выпивал водки, голову не терял, а только затягивал свою любимую песню: «Когда б имел златые горы и реки, полные вина, все отдал бы за ласки взоры, чтоб ты владела мной одна....»

А вообще, водки за новорожденного Пашку было выпито много и до его крещения, и после того.

Да и как не выпить с дружбанами да родственниками, повод-то какой. Пусть все знают, что у Петра Филаретова сын родился.

Смотрите, вот он я, Петр Филаретов, у которого не только девки получают.

Детские забавы

Пока пили взрослые, Пашка интенсивно подрастал и уже в три года стал гонять свою шестилетнюю сестренку Ольку и подсматривать за восьмилетней Наташкой.

Интерес к противоположному полу проявился у Пашки очень и очень рано. Его сверстники только шмыгали своими сопливыми носами, а Пашка, прежде чем носом шмыгнуть, поворачивал его в сторону какой-нибудь девчонки.

Надо сказать, что некоторые из них ему очень нравились. Одни за длинные косы, другие за вздернутые носики, а третьи за соски, торчащие из—под платьев. Не оставался он равнодушным и к девчоночьим попкам, по которым, нет—нет, да и проходил своей детской ладонью.

Раньше других он сообразил сделать дырку в задней деревянной стенке дворовой уборной и через нее подсматривал за подрастающими девчонками, пока его не поймала за этим делом бабка Ефросинья. Схватив его за ухо, она принялась всячески стыдить Пашку, а под конец выдала ему такую оплеуху, что Пашкина щека полыхала потом красным цветом несколько часов кряду. Но щека полыхать кончила, и Пашка вновь принялся за свои подглядывания.

Более того, к треклятой дырке стали все чаще приходить и другие дворовые мальчишки. Дырку заделывали в одном месте, она появлялась в месте другом.

В конце концов, взрослые плюнули на вновь появившуюся дырку, и заделывать ее больше не стали.

А мальчишек тянуло к этой дырке, как пчел на мед. Обдирая руки, они пробирались к ней через густые кусты и, затаив дыхание, ждали появления желанного объекта, но иногда вместо объекта мальчишеских желаний в уборную заходил какой-нибудь мужик и выдавал там такие очереди, что у мальчишек закладывало уши и противно щекотало в носях.

Может быть, поэтому через некоторое время у Пашки пропал всякий интерес к этой притягательной дырке. Но след свой в его судьбе эта дырка все же оставила, так как тяга к девчоночьим индивидуальностям у него только усилилась.

А так как голова у Пашки была сообразительной, то тяга к представительницам женского пола сподобила его на новые ухищрения. Уже через неделю он нашел интересные места для обзора девчоночьих прелестей.

Один из наблюдательных пунктов он организовал на крыше двухэтажного дома, соседствовавшего с городской баней, и оттуда исследовал женское отделение с помощью бинокля, купленного им у какого-то старьевщика. Насмотрелся он там и на аккуратные сосочки юных, и на ядреные полушария молодых, и на обвисшие груди старушек. Насмотрись сам, дай посмотреть товарищам.

За сеанс просмотра через бинокль брал Пашка с пацанов по одной подушечке. Были раньше такие карамельки, которые казались Пашке вкуснее, чем всякие шоколады, да пастила. Хотя настоящего шоколада Пашка тогда и не пробовал.

Только однажды отец расслабился и, получив получку, принес домой плитку соевого шоколада, который разделил поровну между детьми, но до настоящего шоколада дело так и не дошло.

Кроме того, с помощью бинокля насмотрелся Пашка на разные любовные утехы, и эти сцены описывал потом в своей тетрадке в линейку под названием «Дневник наблюдений».

Вот некоторые выдержки из этого «Дневника».

«07.01. 1937 года. У соседки Варвары собрались гости, чтобы отметить Рождество Христово. Много пели, танцевали и тискались. Кучерявый мужик все норовил ухватить за задницу Варварину подругу, а другой мужик обнимался с Варварой. А когда Варвара с мужиком оста-

лись одни, то стали целоваться. Мужик стащил с Варвары блузку и она, зараза, выключила свет».

«12.02. К сапожнику Тимофею пришла в гости дородная баба лет сорока. Они выпили по две стопки водки, после чего Тимофей скинул свои портки и остался в кальсонах. Баба, не долго думая, залезла в кальсоны рукой, обхватила Тимофея и стала его целовать, а когда тот упал с табуретки, то села на него и запрыгала, как егоза. А еще голову назад запрокидывала, толстуха».

«21.03. В соседний дом к врачихе пришел какой-то усатый военный с бутылкой вина и коробкой конфет. После первого тоста, он стал ей что-то рассказывать, наверное, о своих подвигах. Вдруг врачиха вскочила со стула и, схватившись за голову, стала метаться по комнате. Военный, не долго думая, схватил бутылку вина и сиганул из окна, а ведь был второй этаж. Врачиха запрятала большие рюмки с конфетами под кровать и открыла дверь. Когда вошел муж, она бросилась его обнимать, но тот оттолкнул ее и подошел к открытому окну. Пока он смотрел в окно, врачиха скинула с себя кофточку с юбкой и развалилась на кровати. Дальше свет выключили».

И подобных сцен в «Дневнике» было с десятка три. Были там сцены в помещении и на природе, вдвоем и в компании, с вином и без вина, с ласками и без оных.

В общем, первого опыта любовных обхождений Пашка поднабрался через бинокль.

А вот первое возбуждение от прикосновения девчонки он получил на берегу речки, когда соседская Нюрка села на его загорающую поясницу и стала барабанить ладошками по спине. При этом она ерзала своей попкой по Пашкиному заду и приговаривала:

– Рельсы, рельсы, шпалы, шпалы, едет поезд запоздалый.

Пашка сначала почувствовал только неприятное шлепанье по спине, но, через несколько мгновений, Нюркино ерзанье возбудило его так, что чувство неприятности исчезло и осталось только возбуждение.

Улучив момент, когда Нюрка в очередной раз высоко подпрыгнула, Пашка быстро перевернулся на спину, и она села на его напряженный торчок. Вскочив с Пашки, Нюрка в недоумении уставилась на оттопыренные Пашкины трусы, смутилась и, отвернувшись, быстро от него отошла.

Пашка после этого не сразу успокоил свое мужское сокровище, а Нюркино прикосновение ему еще долго вспоминалось.

С этого дня он стал совсем по—другому смотреть на девчонок, стараясь сделать все, чтобы им понравиться, но чаще он засматривался на тех девчонок, которые были значительно старше его.

Одна из таких девчонок, подружка его сестры Наташки и соблазнила тринадцатилетнего Пашку. В теплый июньский день она зашла за Наташкой, чтобы пригласить ее на речку, но в комнате, кроме Пашки, никого не застала.

Она уже собиралась выйти из комнаты, но, посмотрев на Пашку, вдруг спросила:

– Пашка, а ты с девчонками-то целовался?

Пашка посмотрел на Наташкину подругу и, выпятив грудь, уверенно сказал:

– Конечно, целовался.

– А покажи, как ты с ними целовался, – попросила она.

Пашка неуверенно подошел к Наташкиной подруге и, когда та наклонилась, чмокнул ее в щеку.

– Разве так с девчонками целуются, – сказала подруга. Взяв в руки Пашкину голову, она повернула его лицо к себе и впиалась своими сочными губами в Пашкины губы.

У Пашки, аж, дух перехватило.

Уходя, Наташкина подруга произнесла:

– Какой же ты шустрый Пашка, учись себя сдерживать, а то как-то уж очень быстро.

В тот раз Пашка не понял смысла слов, вылетевших из уст Наташкиной подруги, но приятное беспамятство ему очень понравилось.

С этого момента ему частенько стали сниться эротические сны, в которых Наташкина подруга и другие знакомые девчонки приходили к нему и доводили его до извержений, о которых он узнавал поутру по невысохшим трусам.

А еще, не найдя общего языка с девчонками, Пашка научился удовлетворять себя сам, используя для этого открытки с красотками. При этом, он разговаривал с ними, как с живыми существами и всячески нахваливал их за красоту и грудастость.

Правда, вредная Ольга, обнаружив открытки, в тайне от Пашки выменяла их на какие-то фантики. Расстроенный Пашка долго не мог понять, куда же подевались его красотки, но через несколько дней вовсе о них забыл.

В общем, к пятнадцати годам половой темперамент Пашки окончательно оформился, и за похотный взгляд ему смело можно было дать лет семнадцать.

А где-то была война

На четвертый месяц Пашкиного пятнадцатилетия началась война, и отголоски ее докатились до маленького сибирского городка. Все призывное население отправилось на фронт, а в городке остались только бабы, инвалиды, старики и дети.

Пашка тоже попытался сбежать на фронт, но военные дяди записали его в разряд детей и посоветовали выбросить из головы невыполнимое желание. Знали бы эти дяди, в какого мужичка превратиться через некоторое время паренек по имени Пашка.

Оставшиеся в городке верили в скорую победу Красной армии над врагом, но наступила осень, а война все не кончалась и не кончалась. На табуретной фабрике стали выпускать ящики для снарядов, а сердобольные женщины, предчувствуя затяжной характер войны, вязали для фронтовиков носки с варежками и отправляли их в сторону фронта.

Авдотья с Ольгой занимались домашним хозяйством, посылали Петру Акимовичу нехитрые посылки и с нетерпением ждали от него хоть какой-нибудь весточки. Двадцатилетняя Наталья с утра до вечера работала на лесозаготовках и уставала так, что, дотащившись до дому, с трудом забиралась на полати и проваливалась в глубокий сон. Утром, наспех перекусив картошки с хлебом и салом, Наталья вновь уезжала в тайгу, чтобы вечером ни живой, ни мертвой вернуться назад.

Первое время Пашка, как мог, помогал матери по хозяйству. Авдотья делегировала ему обязанности по заготовке на зиму дров, и он с рвением приступил к выполнению этой непростой задачи. Благо деревьев в тайге было видимо—невидимо.

Договорившись с хромым стариком Никодимом, у которого была худосочная лошадь, он каждое утро отправлялся в тайгу, а к вечеру тот забирал Пашку вместе с дровами.

Так у Пашки с Никодимом образовался своеобразный кооператив по заготовке дров. Заготовив дрова для себя, они свои услуги стали предлагать окружающим. А спрос на их услуги был большой. Во—первых, потому, что не у каждого хватало времени и сил, чтобы возиться с деревьями, а, во—вторых, лошадей в городке было по пальцам пересчитать.

За их услуги люди расплачивались по—разному: кто деньгами, кто продуктами, а кто и натурой.

Что касалось Никодима, то натура ему была вовсе не нужна в силу его возраста, поэтому всю причитающуюся натуру Пашка стал брать себе. И это ему все больше и больше нравилось.

Удовлетворенные женщины были благодарны Пашке вдвойне. Вот малец, так малец, и дровами обеспечил, и кой—чему не дал зарости. А некоторые из них так приросли к Пашке, что времени на всех у Пашки не стало хватать.

Правда, были и курьезные случаи, когда Пашка не справлялся со своими натуральными обязанностями, отчего настроение его резко портилось и, чтобы его поправить, он стал пропускать во внутрь стаканчик, другой.

На нескольких курьезных случаях стоит остановиться отдельно.

Под самый конец осени заготовили наши кооператоры дровишки для тридцатилетней медсестры Анфисы. Прожив свои тридцать лет, она до войны так замуж и не вышла и теперь жила одна в маленькой комнатухе недалеко от больницы, в которой работала.

Вот к ней-то и пришел Пашка после заготовки дров.

Маленький столик был накрыт Анфисой по случаю встречи совсем даже неплохо. На столике дымилась картошка в мундире, стояли тарелка с солеными огурцами и помидорами, открытая банка шпрот и бутылка медицинского спирта, все-таки Анфиса работала не где-нибудь, а в медицинском учреждении.

Как ранее отмечалось, Пашка уже пробовал на зубок некоторые виды спиртного, но вот чистого спирта еще никогда не пил. Это обстоятельство и сыграло с Пашкой злую шутку.

Выпив за знакомство по одной, причем Анфиса при этом только пригубила из стакана, они выпили по второй. А после второй голова у Пашки стала медленно кружиться. Он попытался привстать, чтобы обнять Анфису, но вместо этого завалился на кушетку и провалился в глубокий сон.

Утром он проснулся с тяжелой головой, пересохшим горлом и расстегнутой ширинкой.

В комнате не было никого, а на столике стоял стакан с молоком, и лежала записка, написанная карандашом. В записке Анфиса просила его хорошенько закрыть за собой дверь, а ключ положить под коврик. И больше ничего.

Во время чтения записки по Пашке пробежала такая волна стыда, что он быстро протрезвел и, даже не попробовав молока, выскочил на улицу. Только глотнув свежего воздуха, он полностью пришел в себя и быстрым шагом направился в сторону своего дома.

С этого момента он стал стороной обходить дом, в котором жила Анфиса, но с Анфисой ему в дальнейшем пришлось встретиться еще не один раз.

В другой раз Пашка пришел в гости к сорокапятилетней учительнице местной школы Альбине Витальевне. Помня о том, как он совсем недавно оконфузился у Анфисы, Пашка слегка пригубил ежевичной настойки и, закусив ее сладким пирожком, испеченным по этому случаю Альбиной Витальевной, приступил к своим любовным приставаниям.

Когда он стал снимать с Альбины Витальевны белую блузочку, она захотела выключить свет, но Пашка уговорил ее этого не делать и продолжил раздевание при свете. В процессе раздевания он так возбудился, что готов был вонзить свой торчок даже в прорезь груди, но, сорвав с нее лифчик, на одной из груди увидел большущее родимое пятно, усеянное густым волосным покровом. При виде пятна его возбуждение как ветром сдуло. Уж, как только ни пыталась Альбина Витальевна поднять Пашкин торчок, тот никак не хотел возбуждаться. Так, промучившись с торчком часа два, Альбина Витальевна оставила тщетную попытку возбудить Пашку и не совсем вежливо попросила его убираться домой.

А следующий курьезный случай произошел с ним в декабре, когда сибирские морозы накрыли маленький городок, и люди прятались от него в многообразии теплых одежд.

Провожал он тогда домой озорную и симпатичную Верку, которой отроду было около двадцати пяти лет. До войны выйти замуж она не смогла, потому что была слишком разборчива, а уж во время войны выйти замуж и вовсе не представлялось возможным.

Но молодая кровь будоражила Веркино тело, и в один из таких моментов на глаза ей попался свеженький Пашка.

Так как жила Верка с мамой и сестрами, то пригласить домой Пашку она не могла, поэтому тискаться они решили в сарае. И если до Пашкиного хозяйства добраться было попроще, то до Веркиных прелестей нужно было добираться через несколько преград, и основной преградой были зимние рейтузы с начесом, да еще и на резинках.

В общем, пока Пашка добирался до Веркиных прелестей, вся охота у него пропала, что ужасно расстроило Верку, и ее острый язычок прошелся язвительно по Пашкиному самолюбию.

Такого обхождения Пашка стерпеть не смог и, обозвав Верку нехорошим словом на букву б..., ретировался из сарая. Правда, после этого он еще долго жалел, что испортил отношения с такой симпатичной девчонкой. Иногда ему даже хотелось подойти к ней и, извинившись, вновь затащить ее в сарай, но, зная Веркин характер, Пашка так и не решился сделать такой шаг. Он даже в мыслях предположить не мог, что Верка дожидалась в тайне его нового приглашения.

После того случая Пашка решил не допускать эмоциональных всплесков, которые могли бы обидеть представительниц прекрасного пола.

«Я должен быть внимательным и нежным, я должен видеть в женщине только достоинства и не замечать недостатков», – сказал он сам себе.

Еще один случай стоит вспомнить потому, что в Пашкиной памяти этот случай оставил неизгладимый след.

Зимой, когда жители городка уже запаслись дровами, Пашка присмотрел для себя новое дело, а так как Никодим совсем не хотел заниматься этим делом, то за определенные проценты выпросил у него лошадь с санями. По утрам он стал выезжать на санях в сторону рынка и там поджидал озабоченного клиента, которому требовалось подвезти до дома крупногабаритный товар.

Одной из таких клиенток оказалась жена местного снабженца Анастасия Гавриловна. Было Анастасии Гавриловне лет тридцать – тридцать пять и отличалась она от затраханых работой и проблемами женщин своими пышными формами и непривычной ухоженностью. В этот день Анастасия Гавриловна приобрела в местном лабазе какую-то резную тумбочку, и обходительный Пашка согласился довести Анастасию Гавриловну вместе с тумбочкой до ее дома.

Внеся тумбочку в трехкомнатную квартиру, Пашка, как вкопанный, застыл в проеме двери гостиной и, раскрыв рот, стал рассматривать невиданную доселе обстановку. Больше всего его поразил аквариум, который стоял возле окна, и в нем плавали разноцветные рыбки. Таких рыбок он сроду не видел, как не видел никогда и аквариума.

Заметив Пашкино оцепенение, Анастасия Гавриловна посоветовала:

– Да ты поставь тумбочку-то, а потом уж рот разевай.

Пашка на автомате выполнил ее совет и, поставив тумбочку в угол, подошел к аквариуму.

Пока Пашка любовался рыбками, Анастасия Гавриловна разделась и, подойдя к нему, обдала его такой приятной волной каких-то заморских духов, что у того дух перехватило.

Справившись с собой, Пашка показал на одну из рыбок и спросил:

– А как зовут эту рыбку?

– Эту? – переспросила Анастасия Гавриловна, задев Пашку своей пышной грудью, – это гуппи.

– А эту? – показал Пашка на другую рыбку.

– А эту, – Анастасия Гавриловна втиснула свою грудь в Пашкину спину, – это меченосец.

– Меченосец, – повторил Пашка, – какое красивое имя.

– А хочешь, я расскажу тебе об этой рыбке? – предложила Анастасия Гавриловна.

Пашке, конечно же, захотелось выслушать рассказ о меченосце. Он снял фуфайку, сел на стул и приготовился слушать, но Анастасия Гавриловна согласилась рассказать о рыбке только в спальне.

А в спальне она не только рассказала ему о меченосце, но и показала, как эти рыбки совокупаются. Целых три часа продолжались практические занятия по совокуплению, и эти занятия Пашка запомнил на всю оставшуюся жизнь. Во—первых, потому, что еще никогда не видел такого красивого женского белья, во—вторых, потому, что Анастасия Гавриловна научила его таким способам совокупления, которых Пашка и представить себе не мог и, в—третьих, потому, что после практических занятий Анастасия Гавриловна одарила его не только большими деньгами, но и пузырьком одеколona. Здесь можно бы было и продолжить: и в—четвертых, и в—пятых и т.п., но первые три позиции были наиболее запоминаемы.

С этого дня одеколон для Пашки стал одним из основных атрибутов, который помогал ему успешно завлекать представительниц прекрасного пола. От его «Красной Москвы» впадали в беспамятство как девственницы, так и зрелые женщины сибирского городка.

Кроме того, после встречи с Анастасией Гавриловной он к месту и не к месту стал вспоминать про меченосца, за что от сверстников получил кликуху Пашка—меченосец.

Со временем от этой кликухи осталась только вторая часть, и Пашка стал Меченосцем.

Любовь на линии фронта

Когда Меченосцу исполнилось 18 лет, он вновь пришел к военкому, и тот с превеликим удовольствием отправил его в действующую армию. В это время Меченосец уже знал, что его отец, Филаретов Петр Акимович, пал смертью храбрых где-то под Сталинградом.

По дороге на фронт Меченосец представлял себе, как он будет яростно сражаться с фашистской нечистью. Почему-то фашистская нечисть представлялась ему в образе чертей, с ног до головы обвешанных доспехами и оружием.

В своих видениях Меченосец смело бросался на вражеские укрепления и крушил врага своими крепкими кулачищами. Ох, и досталось же в сновидениях от него фашистам.

Правда, несколько раз фашистская нечисть представилась ему в образе белокурой блондинки, и тогда он, со всей пролетарской ненавистью, обрабатывал белокурую бестию в хвост и в гриву. После такого сражения просыпался Меченосец весь мокрый, то ли от пота, то ли от избытка семени.

Наконец, их эшелон прибыл на Украинский фронт, но бойцы не успели поучаствовать в победоносном освобождении Кривого рога. Три дня тому назад наши доблестные войска отбили у фашистов этот украинский город. Никакая война не смогла остановить весеннего цветения, и разрушенный город утопал в бело—розовом море цветущих яблонь, вишен и абрикосов.

В Кривом роге Меченосец сумел убедиться в том, что украинские дивчины действительно гарны. Правда, они были не только гарны, но и очень разборчивы. И только «Красная Москва» помогала Меченосцу в их успешном оболыщении. Но несколько раз пришлось Меченосцу испробовать и силу крепкой девичьей руки. Как ни напяливал он на лоб свою пилотку, она все равно оказывалась в придорожной пыли после увесистых ударов украинских молодок.

Но Меченосец был не из тех, кто при первом сопротивлении отступал с поля любовного противостояния. Его сладкие речи продолжали ласкать слух строптивой дивчины до тех пор, пока она ни отдавалась в шаловливые руки наодеколоненного Меченосца. А уж руками Меченосец творил чудеса. Из его объятий не торопилась вырваться ни одна из попавших в них молодух.

Его эротический массаж доводил до безумия самую твердокожую женщину. От жарких ласк ее кожа размягчалась, груди не сдерживали своих сосков, и они вырывались на свободу, еще больше возбуждая шаловливые ручки Меченосца. Это возбуждение моментально передавалось всему его телу, и тогда он пускал в ход свой шершавый язык – лучший массажер из всех массажеров. С этого момента охи и ахи купающейся в ласках девицы заглушали артиллерийскую канонаду, какой бы сильной она ни была.

Но, на войне, как на войне. Наши войска активно наступали, вытесняя фашистов с родной земли и, наконец, перейдя границу, приступили к освобождению Польши.

Всюду на польской земле наших бравых бойцов встречали цветами и жаркими поцелуями симпатичные польские женщины. Июльский ветерок охотно играл подолами их легких крепдешиновых платьев, словно нарочно дразня пропитанных пылью и гарью советских воинов. И большинству из них хотелось прижаться к молодому девичьему телу и хоть на секунду забыть о том, что где-то грохочут пушки, строчат пулеметы и рвутся бомбы, унося в мир иной не самых плохих представителей человечества. Но не всем суждено было пережить эти секунды. Как всегда, к числу избранных относился и наш Меченосец.

Польские женщины поразили Меченосца, прежде всего, тем, что неуловимым движением руки или брови они могли довести человека до третьей степени возбуждения. Вторая степень возбуждения наваливалась на мужчину в процессе расстегивания полячкой верхней пуговицы облегающей блузки, а первая степень возбуждения с попытками затвердевшего торчка

вырваться на волю парализовала бойца, когда полячка наклонялась перед ним, обнажая свою белоснежную грудь. А если полячка садилась перед бойцом и закидывала ногу на ногу, показывая подвязки и шелковые чулки, несчастный немел и порывался забраться на воображаемую стену.

Вот она, поражающая сила женского соблазнения, которой польские женщины владели в совершенстве. И Меченосец с наслаждением подставлял себя под шквал этой всепобеждающей силы. Он вытворял тогда такие чудеса, что женские руки с остервенением скребли его просаленную гимнастерку, а ноги сходились у него за спиной, стараясь удержать его как можно дольше. А когда женские объятия ослабевали, он покрывал тело женщины горячими поцелуями, и ее ноги вновь сходились у него за спиной.

Да, опыт, полученный у Анастасии Гавриловны, очень пригодился восемнадцатилетнему Меченосцу. Она научила его не только способам совокупления, но и умению сдерживать подступающее к выходу семяизвержение.

А после любовной игры прощальный поцелуй без слез и сантиментов, и команда «вперед». Вперед на запад, в логово самого фюрера. До окончательной победы оставалось еще шесть с половиной месяцев, но об этом бойцы только догадывались.

В Германии Меченосец столкнулся как с нескрываемым страхом, который поселился в глазах некоторых немцев, так и с менторской холодностью многих из них.

Ему пришлось применить весь арсенал доброжелательных улыбок и вынуть из заначки запас приятного обхождения, чтобы растопить холодные сердца высокомерных и снять пелену страха у испугавшихся.

Первыми поддались на доброжелательные улыбки испугавшиеся. Оставив свою робость за порогом дома, в спальне они окончательно успокаивались и проявляли такой темперамент, что широкие кровати начинали натужно скрипеть в такт ускоряющемуся движению их пухленьких попочек. Каждый оргазм заканчивался обязательным гортанным «гут» и подбадривающим похлопываньем по плечу Меченосца. С этого момента у ранее напуганных загорелись глаза, и они были готовы заниматься сексом с утра до вечера и с вечера до утра.

От зависти менторская холодность у их землячек стала постепенно уменьшаться, а через некоторое время и вовсе исчезла. Оказалось, что за менторской холодностью скрывались профессиональное кокетство и неудержимый темперамент, который нужно было только чуть-чуть пощекотать.

Ох, уж эти фрау, начинающие недотроги и матерые любовницы, сдержанные потаскушки и любвеобильные шаловницы. Сколько вас прошло через полевое ложе Меченосца и не сосчитать. И вряд ли хоть одна из тех, кто попробовал его ласк, осталась неудовлетворенной.

Раненый, но е.., то есть верткий

В мае 1945 года война победоносно завершилась и нетронутые смертью мужички стали возвращаться в родные пенаты. Меченосцу в это время исполнилось только девятнадцать лет, и если бы не ранение в зад, которое он получил незадолго до окончания войны, служить бы ему как медному котелку.

Если вы спросите: «Откуда у нашего Меченосца ранение в зад», то однозначного ответа можете и не получить.

Существует несколько интерпретаций данного ответа.

Одни говорят, что ранение в зад наш доблестный Меченосец получил во время его боевого дежурства, когда, отвернувшись от передовой в сторону голубоглазой медсестры, выставил свою задницу на обозрение противнику, а тот, не выдержав такого хамства, саданул по ней из автомата. Слава богу, что только одна пуля вошла в мягкое место доблестного Меченосца.

Другие дают голову на отсечение за то, что в зад Меченосцу пуля—дура угодила, срикошетив от бронзовой люстры, что висела в покоях одной симпатичной мамзель.

А третьи настаивают на том, что подпортила его задницу неудовлетворенная немецкая фрау, выстрелив в нее из пистолета.

Сам же Меченосец является автором четвертого варианта, который повествует о том, что хитрый враг зашел на позицию его взвода с тыла, и только отличная реакция спасла его от верной гибели. Он успел вовремя подпрыгнуть, и пуля не пробила его благородное сердце. Теряя кровь, он все же сумел обезвредить врага, за что был награжден командованием часами. Правда, часы, которые он показывал, были сняты им с убитого немецкого офицера.

В общем, любой из вариантов приводил к тому, что нашему доблестному Меченосцу тоже досталась отметка, которую беспощадная война сделала на его заднице.

После войны отмеченный Меченосец решил не возвращаться в сибирский городок. Во —первых, потому, что вернувшиеся мужички могли прознать про его детские шалости, а во —вторых, потому, что один из однополчан больно красиво рассказывал ему про Ленинград.

После этих рассказов Меченосец твердо решил поехать на невские берега, чтобы воочию увидеть Зимний дворец и Аврору, Адмиралтейство и Русский музей.

И Ленинград встретил Меченосца цветами, музыкой духовых оркестров и веселыми улыбками горожан. Но Меченосца интересовали только улыбки молоденьких жительниц славного города.

С вокзала Меченосец проследовал на Невский проспект, по которому прогуливались толпы радостных ленинградцев и гостей города.

Приподнятое настроение людей читалось в их оттаявших взглядах, в жестах и даже в одежде, которую ленинградцы вытащили по случаю Победы из своих сундучков.

Небо, еще совсем недавно забитое аэростатами, сияло своей голубизной и не обижалось на праздничные фейерверки, которые то здесь, то там высвечивали его глубины.

Отхлебнув из фляжки солидный глоток спирту, Меченосец скинул с себя остаток робости и стал внимательней присматриваться к молодым ленинградкам. Некоторым девушкам он даже осмелился подмигнуть, а одной из них задал ничему не обязывающий вопрос:

– Не подскажете, как пройти на Невский проспект.

Девушка с удивлением посмотрела на него, потом мило улыбнулась и произнесла:

– Невский перед Вами, молодой человек —, и рассмеявшись, побежала догонять своих подружек.

– Нет, – подумал Меченосец, – с молодыми каши не сварить, вряд ли у них найдется место для заезжего бойца.

С этого момента Меченосец переключился на женщин повзрослей, и они с удовольствием ловили на себе его молодецкий взгляд.

В один из моментов его взгляд оторвался от женщин и остановился на красочной гастрономической витрине. Постояв возле витрины несколько минут, он вошел в гастроном и, увидев симпатичную продавщицу лет тридцати пяти, подошел к прилавку.

– Скажите, пожалуйста, – начал он, – какую колбаску можно взять на закуску?

– Колбаску, – оживилась женщина, – если для водочки, то докторскую, а для винца, можно и копчененькой.

– А Вы, какую предпочитаете? – спросил Меченосец.

– Я больше люблю копчененькую, – ответила продавщица.

– Тогда двести грамм копченой колбасы и обещание встретиться со мной после работы, – предложил Меченосец.

Продавщица сначала густо покраснела, потом лукаво посмотрела на странного покупателя и произнесла:

– Долго ждать придется, я сегодня до десяти.

– Ничего, – ответил Меченосец, – такую симпатичную женщину можно ждать целую ночь...., то есть, целую вечность.

Откуда что берется. Чувствую, что еще немного и наш Меченосец заговорит стихами. Какая женщина сможет устоять против таких слов. Наша продавщица тоже расслабилась и игриво сказала:

– А Вы, боец, романтичны. Кстати, зовут меня Таня, то есть, Татьяна.

– Очень приятно, Павел, – представился Меченосец, – фронтовик и гость Вашего прекрасного города.

Глазенки у продавщицы забегали, она поняла, что сегодня ночью ее постель может обогреть симпатичный парень по имени Павел.

– Надо брать мальчика, пока он не передумал, – подумала продавщица.

– Павел, какое прекрасное имя, – заворковала она, – какое благородное имя. Может быть, Вы подождете меня в подсобке?

Меченосец для пущей важности задумался, но все же согласился:

– Ну, как откажешь женщине с таким прекрасным именем.

Татьяна отвела его в подсобку, угостила бутербродами с колбасой, и Меченосец полностью размяк.

В таком размякшем состоянии он пробыл в подсобке около двух часов, пока трудовой день у Татьяны не закончился.

Выйдя с Татьяной в темноту ленинградских улиц, Меченосец немного ступешался, но когда Татьяна взяла его под руку, снова выпятил молодецкую грудь и сдвинул набекрень пилотку: «Смотрите, ленинградцы, какую деваху подцепил я на ваших улицах».

А деваху, действительно, была ладной и хлебосольной.

В этом Меченосец еще раз убедился, переступив порог ее комнаты в коммунальной квартире на Литейном проспекте.

Уютная шестнадцатиметровая комната была со вкусом обставлена. Казалось, что в ней нет ничего лишнего. Кроме большой двуспальной кровати в комнате были комод, трюмо, круглый стол с четырьмя стульями и тумбочка с патефоном и пластинками.

Быстро раздевшись, Татьяна усадила Меченосца на стул и принялась спешно накрывать на стол. На столе появились тарелки с сыром и колбасой, банка трески в масле, хлеб и бутылочка «Столичной».

А что еще нужно для любовной увертюры.

Малопьющая Татьяна по такому случаю выпила первую стопку до дна. Да и как не выпить, если молодой красавчик поднимает бокал ..., пусть не бокал, а только стопку, но поднимает за нее, за ее красоту, ее голубые глаза. Вот понесло бойца.

А после третьей стопки Татьяна поцелуем прикрыла сладкие уста Меченосца, и четвертый тост так и остался не высказанным. Да и черт с ним, с четвертым тостом.

Меченосец обхватил податливую Татьяну своими лапищами и, крепко прижав к себе, стал покрывать ее лицо жаркими поцелуями. За поцелуями Татьяна и не заметила, как ее кофточка и лифчик оказались на полу. А потом

Двуспальная кровать уже давно не испытывала такого напора двух истосковавшихся по любви тел. Она жалобно поскрипывала, стараясь попасть в такт молодым, и робко возмущалась, когда их активные действия вынуждали ее стучаться о стену. И только под утро кровать последний раз скрипнула и на несколько часов затихла.

Первой проснулась Татьяна. Протерев глаза, она встала, аккуратно сложила на стул валявшуюся одежду, потом убрала со стола и прошла на кухню, чтобы приготовить завтрак. А там ее уже поджидали любопытные соседки: старенькая пенсионерка Ангелина Ивановна и молоденькая учительница Светочка. Кроме них в коммунальной квартире жил еще старичок, Кирилл Емельянович, которого соседи запросто называли Емельянычем, но его в столь ранний час на кухне не ожидалось.

– Доброе утро, милочка, – хитро взглянув на Татьяну, поздоровалась Ангелина Ивановна.

– Доброе утро, – сдержанно ответила Татьяна. Тон, с которым поздоровалась Ангелина Ивановна, ничего хорошего не предвещал. Татьяна знала, что после такого приветствия начнется серия ехидных вопросов.

Так оно и случилось.

– А что это ты, милочка, так плохо выглядишь, или спала плохо, – задала первый вопрос Ангелина Ивановна.

– Да вроде хорошо, Ангелина Ивановна, – ответила Татьяна.

– Вот то-то и оно, что вроде, – произнесла Ангелина Ивановна, – вроде, вроде дяди Володи – подначила она.

– Ну, зачем же так, Ангелина Ивановна, – вступила в разговор Светочка, – причем здесь какой-то дядя Володя?

– Если бы какой-то, – ехидно произнесла Ангелина Ивановна, – а то самый настоящий. Может быть, его не Володей зовут? – с иронией спросила у Татьяны Ангелина Ивановна.

– Не Володей, – ответила Татьяна, – может быть, ко мне родственник приехал... , дальний.

– Дальний или ближний, один черт, – перекрестившись, отпарировала Ангелина Ивановна, – вот только кровать под родственничками не так скрипит.

– Ангелина Ивановна, о чем это Вы? – смутившись, воскликнула Светочка.

– А все о том же, милочка моя, – ответила Ангелина Ивановна, – я сегодня всю ночь не спала из-за этих «ахов», да «охов». Весь дом переполошили своими стенами.

Татьяна густо покраснела, но потом собрала и произнесла:

– Ангелина Ивановна, мне что, век в старых девах ходить?

– Не в этом дело, – сердито сказала Ангелина Ивановна, – никто не заставляет тебя ходить в старых девах, но совесть то тоже надо иметь. Ахай себе, сколько хочешь, но другим-то не мешай.

– Хорошо, Ангелина Ивановна, больше не буду, – пообещала Татьяна и поспешила покинуть кухню.

А на кухне продолжилось оживленное осуждение недостойного Татьяниного поведения.

Причем, Светочка только подобострастно поддакивала, и чем подобострастней она поддакивала, тем все больше распялялась Ангелина Ивановна.

А Татьяна, войдя в комнату, посмотрела на спящего Меченосца и, приблизившись к кровати, нежно поцеловала его.

Меченосец медленно открыл красноватые глаза, вспомнил все прелести сегодняшней ночи и, обняв Татьяну, завалил ее на кровать.

Проходившая в свою комнату Ангелина Ивановна вновь услышала «охи» и «ахи» своей соседки Татьяны и незнакомого ей не Володи.

– Вот черти, – подумала она, – за ночь не наохались.

После утренних эротических процедур они совместили завтрак с обедом, и Меченосец проводил Татьяну до уже знакомого ему гастронома.

Расставаясь, Татьяна посоветовала ему прогуляться по Ленинграду, а Меченосец, в свою очередь, обещал ей прибыть в гастроном к десяти часам вечера. Он так и сказал:

– Не сомневайся, Таня, в десять буду, как штык.

Он опять вышел на Невский и, увидев впереди Адмиралтейский шпиль, вихляющей походкой пошел в его сторону.

Казалось, что сегодняшней ночью он уже заморил своего темпераментного червячка, но его глаза продолжали блуждать по ножкам, попкам и другим женским выпуклостям.

Вот такой он, наш Меченосец, а, впрочем, женщины были сами виноваты в том, что слишком избаловали его в юности.

Весь вечер он провел на набережной Невы, где наблюдалось наибольшее оживление. Он даже не стал переходить на Васильевский остров, где возвышались Ростральные колонны, на которых в честь Победы были зажжены факелы.

В Зимний дворец он без Татьяны пойти не решился, наметив его посещение в выходной день, а вот в Летнем саду с удовольствием побродил и даже выпил кружечку пива в летнем кафе.

Вот там-то к его столику и подошла чрезмерно напомаженная женщина лет тридцати. Яркое шелковое платье плотно обтягивало ее внушительный бюст и широкой юбкой разбегалось от талии.

– Красавец, – с ударением на последний слог обратилась она, – ты не будешь против, если я составлю тебе компанию?

Меченосец на всякий случай посмотрел по сторонам, а потом вежливо согласился.

Женщина присела за столик, обдав Меченосца волной неплохих духов, и заворковала:

– И где же воевал наш доблестный воин?

– Где я только не был, – собравшись с мыслями, начал повествование Меченосец, – почитай, всю Европу прошел.

– Всю Европу прошел, а по культурному разговаривать не научился, – засмеялась женщина, – почитай, ну и словечко. Из какого такого сундука ты его вытащил?

– Не из какого сундука я его не вытаскивал, – начал оправдываться Меченосец, – у нас в Сибири, почитай, все так говорят.

– Так ты еще и сибиряк, – переспросила женщина, – по тебе видно, что ты не из городских плюгавеньких. А как же зовут-то тебя?

– Меня, Павлом, а тебя как? – спросил он женщину.

– А меня Викой, – ответила та и лукаво улыбнулась.

– Очень приятно, – пробубнил Меченосец и затих.

– А что это ты замолчал, сибиряк. Если тебе приятно, так хоть пивом угости, – предложила Вика.

Меченосец купил еще одну кружку пива и поставил ее перед Викторой. Та взяла кружку обеими руками и, запрокинув голову, отпила из нее большую половину.

– Хорошо, – переведя дух, воскликнула Вика, – остановиться-то у тебя есть где? – спросила она.

Меченосцу очень хотелось сказать, что «нет», но, вспомнив Татьяну, он ответил по—военному четко:

– Пока я нахожусь в распоряжении военного коменданта города Ленинграда, поэтому каждый вечер должен возвращаться в часть. Думаю, что через недельку документы о моем увольнении придут, и я буду свободен, как птица.

– А что это тебя так рано увольняют? – спросила она, но потом добавила, – а, впрочем, не мое это дело. Увольняют, так увольняют. Значит, сегодня ты не сможешь меня проводить?

– Почему же, проводить я смогу, но только до девяти часов, а то к десяти мне нужно быть в части, – ответил Меченосец.

– Ну, до девяти неинтересно, – посмотрев на часы, произнесла Вика, – иди в свою часть, может быть, в следующий раз и пообнимаемся.

Сказав это, она допила пиво и, поцеловав Меченосца в щечку, пошла на поиски новой жертвы.

Около десяти вечера наш штык Меченосец, как и обещал, появился возле гастронома.

Татьяна не заставила себя долго ждать. Выйдя из гастронома, она поспешила к Меченосцу и, обняв его, прижалась к его богатырской груди.

Меченосец несколько секунд постоял в нерешительности, потом повернул к себе ее лицо и, поймав губами ее полуоткрытый рот, крепко поцеловал.

После долгого поцелуя она передала Меченосцу наполненную продуктами сумку и они, оживленно переговариваясь, пошли в сторону дома.

Войдя в квартиру, они на цыпочках проследовали в свою комнату.

Любопытная Ангелина Ивановна, выглянув в коридор, проводила их недоброжелательным взглядом.

– Ну, сегодня опять начнут скрипеть, – раздраженно подумала она.

Но сегодня, чтобы не скрипеть, наши любвеобильные занялись любовью прямо на полу.

А на полу до скрипа дело не дошло, но «охи» и «ахи» опять возбудили их пожилую соседку.

Утром, поймав Татьяну на кухне, Ангелина Ивановна не преминула высказаться:

– Милочка, вы мне опять не дали выспаться. И потом, он же значительно моложе тебя.

– Ангелина Ивановна, я, в конце концов, имею право приглашать гостей или нет? – не повышая тона, но довольно-таки резко спросила Татьяна.

– Конечно, имеешь, – ответила Ангелина Ивановна, – но заниматься с ними черт знает чем, непозволительно.

Еле сдерживая себя, Татьяна произнесла:

– Ну, почему же черт знает чем, мы занимаемся любовью, а запрета на такие занятия в природе не существует.

– Милочка, да ты совсем обнаглела, – взвилась Ангелина Ивановна, – она, видите ли, любовью занимается.

В это время на кухню вышел заспанный Емельяныч:

– Что за крик, а драки нету. О чем это вы тут балакаете?

– Доброе утро, Емельяныч, – радостно приветствовала его Татьяна, – Ангелина Ивановна, как всегда, жизни меня учит.

– Ивановна, опять за свое, – забрюзжал Емельяныч, – надо тебе мужичка найти, что ли.

Ангелина Ивановна вспылила еще больше:

– Вечно ты, старый, со своими дурацкими советами. Это у тебя одни бабы на уме.

– У меня бабы, – хихикнул Емельяныч, – а у тебя мужички, да секса.

Очень понравилось нашему Емельянычу заморское слово «секс», которое привезли с собой фронтовики, и теперь он периодически вставлял его в канву разговора.

– Ах, ты старый развратник, – воскликнула Ангелина Ивановна, – откуда тебе знать, что у меня на уме?

– А оттуда и знать, что у всех у вас одна секса на уме, – без всяких сомнений заявил Емельяныч.

Услышав утверждение Емельяныча, Татьяна весело рассмеялась, а Ангелина Ивановна еще больше нахмурилась:

– Неисправимый ты человек, Емельяныч, дури у тебя в голове больше разума.

– Для кого и разум дурен, а для кого и дурь разумна, – парировал Емельяныч, – вот ты, Ивановна, слишком умом своим гордишься, а одного не можешь понять, что молодым без сексы никак не прожить. Правильно я говорю? – обратился он к Татьяне.

– Конечно, правильно, Емельяныч, – согласилась с ним Татьяна, – разве без секса дети бывают.

– Вот-вот, слушай Ивановна разумные речи. Смогла бы ты без сексы своих сынов воспроизвести? – спросил Емельяныч.

– Секс, слово-то какое противное, – скривилась Ангелина Ивановна, – когда я детей своих задумывала, у нас и в мыслях этого секса не было.

– Не было сексы, так траханье было, – хихикнув, сказал Емельяныч.

– Я тебе сейчас такое траханье устрою, что ты у меня своих не узнаешь, – схватив со стола сковородку, замахнулась Ангелина Ивановна.

Емельяныч поспешил в туалет и уже оттуда прокричал:

– Значит, трахалась, раз так взбеленилась.

– А ты, что, в штаны от страху наложил, похабник? – взревела Ангелина Ивановна.

– Не в штаны наложил, а так на тебя возбудился, что просто невтерпеж, – ответил Емельяныч.

Не дожидаясь окончания перепалки, Татьяна прошла к себе в комнату и затворила за собой дверь.

С Меченосцем обитатели коммунальной квартиры познакомились по—разному.

С Ангелиной Ивановной он столкнулся в коридоре, когда торопился пройти в туалет.

Увидев соседку, он по—дружески произнес:

– Здравствуйте, Ангелина Ивановна.

На что услышал недовольное:

– Уже знать представила.

Потом, по всей видимости, Ангелина Ивановна одумалась и пробурчала:

– Здравствуй, коли, не шутишь, не знаю, как звать – величать.

– Меня Павлом кличут, – представился Меченосец.

– Ну, Павлом, так Павлом, – пробурчала Ангелина Ивановна и проследовала в кухню.

– Вредная старушенция, – подумал Меченосец и забрался в туалет.

Первый раз со Светочкой Меченосец пересекся на кухне, когда вечером ставил на керогаз закопченный чайник.

– Здравствуйте, – поздоровался он и, упреждая вопрос об имени, представился, – родители меня Павлом нарекли.

– Очень приятно, – покраснев, произнесла Светочка, – а меня зовут Светлана.

– А по бабушке как? – спросил Меченосец.

– Можно просто Светлана, – разрешила Светочка.

Пока разогревался чайник, они перекинулись еще несколькими, ничего не значащими фразами и разошлись по своим комнатам.

Встреча с Емельянычем оказалась очень душевной и продолжительной.

Татьяна не пришла еще с дневной смены, а Меченосец валялся на кровати и слушал пластинки.

Клавдия Шульженко напевала с пластинки о синеньком скромном платочке, когда в дверь тихонько постучали, и в комнату просунулось небритое лицо Емельяныча.

– Не помещаю? – спросил он и, получив разрешающий ответ, втиснулся в комнату.

Меченосец встал с постели и, придвинув стул, предложил Емельянычу сесть.

Емельяныч любезно согласился и, сев на стул, представился:

– Кирилл Емельяныч, а попросту Емельяныч.

– Павел, хоть попросту, хоть как, – представился Меченосец.

– Ну, молодец, – с восхищением осмотрел Меченосца Емельяныч, – никак из Сибири? – спросил он.

– Из Сибири, – подтвердил Павел и засуетился возле стола.

На столе появились бутылка столичной, хлеб, соленые огурчики и баночка консервов.

– У нас в Сибири за знакомство принято чебулдыкнуть, – сказал Меченосец, наполняя стопки».

– Как ты сказал? – переспросил Емельяныч.

– Чебулдыкнуть, значит выпить, – повторил Меченосец.

– Чудно, – покачал головой Емельяныч, но стопку со стола прихватил.

Они чокнулись за знакомство и, пропустив содержимое вовнутрь, захрумкали солеными огурчиками.

– А ты, значит, с фронта прибыл? – спросил Емельяныч.

– С Первого Украинского, – подтвердил Меченосец, – до самого Берлина дошел.
– Молодец, – еще раз похвалил Емельяныч, – поди, страшно на передовой-то было.
– По—всякому, бывало сердце в пятки так и шарахалось, – ответил Меченосец, – а глотнешь из фляги глоток или два, и оно обратно возвращается.
– Значит, с ентим делом, – показал Емельяныч на бутылку, – и на фронте половчей.
– А то, как же, – тоном бывшего солдата заявил Меченосец, – без спирта на фронте ни ногой. Как в атаку, так сто грамм, ну, а если, например, в окружении, так все двести.
– Неужь двести? – неподдельно удивился Емельяныч. – Двести, а иногда и поболее, – подтвердил Меченосец. – Ну, что ж, – перехватил инициативу Емельяныч, – тогда за вас, за фронтовиков.

Они выпили по второй, и Емельяныч попросил поставить пластинку с Лидией Руслановой.

Меченосец поставил пластинку, и в комнате раздался звонкий голос певицы:

Живёт моя красотка
В высоком терему,
А в тот высокий терем
Нет входа никому.

И тут Емельяныч расправил плечи и подхватил:

Я знаю, у красотки
Есть сторож у крыльца,
Но он не загородит
Дороги молодца.

И вот неожиданным гостем
Войду я в терем к ней.
Была бы только ночка
Сегодня потемней.

Здорова будь, красотка,
Сбежим, моя краса,
Из терема на волю
В дремучие леса.

Пойдём там пир горою
В большом густом лесу,
И атаман женою
Возьмёт себе красу.

Давно готова тройка
Лихих, серых коней.
Была бы только ночка
Сегодня потемней.

Пока Емельяныч пел, Меченосец налил в стопки по третьей, и по окончании песни предложил выпить за Лидию Русланову, которая своими песнями была с ними на передовой.

Емельяныч с удовольствием выпил за любимую певицу и даже немножко прослезился.

Пришедшая с работы Татьяна застала в комнате умилительную сцену. Маленький, тшедушный Емельяныч смотрел снизу вверх на могучего Меченосца и непрерывно повторял:

– Пашка, как я тебя уважаю. Ты настоящий мужик, Пашка.

Увидев Татьяну, Емельяныч засобирался на выход, но она остановила старика и предложила выпить за его здоровье.

На этом поллитровая бутылка закончилась, а открывать вторую было не с руки.

После обеда Татьяна повела Меченосца в Зимний дворец. От его великолепия челюсть у Меченосца отвисла и он, как контуженый, только частично разбирал Татьянины слова.

До закрытия они смогли посмотреть только одну пятую часть этого уникального музея.

А завтра предполагался выходной, который они хотели полностью посветить Зимнему.

Но завтрашнее посещение Зимнего оказалось под угрозой.

В этот вечер Меченосец сделал большую глупость, пригласив Татьяну в Летний сад.

Там его громко окликнула напомаженная Вика:

– Павлуша, – обратилась она к нему, – значит, ты уже уволился из доблестной армии?

Меченосец сделал вид, что совсем не знает обратившуюся к нему женщину, но Вика подошла к нему вплотную и проворковала:

– Павлуша, не хорошо забывать про свои обещания. Или тебе их напомнить?

Татьяна вырвала свою руку из руки Меченосца и пошла, не оглядываясь, к выходу.

Меченосец собрался последовать за ней, но Вика вцепилась в рукав Меченосца и жалобно пропищала:

– Павлуша, не оставляй меня. Я так ждала этой встречи.

Меченосец попытался вырваться из цепких Викиных рук, но та еще крепче вцепилась в лацкан пиджака.

– Хорошо, – пообещал Меченосец, – послезавтра я жду тебя здесь же в половине восьмого.

– А не обманешь? – с надеждой посмотрела на него Вика.

– Если сказал, значит приду, – еще раз пообещал Меченосец.

– Ну, что ж, тогда до послезавтра, – сказала Вика и выпустила лацкан его пиджака.

Меченосец стрелой бросился из Летнего сада и только на углу Белинского и Литейного догнал Татьяну.

– А ты, парень не промах, – сказала Татьяна, когда Меченосец попытался взять ее под ручку, – не успел, как следует Ленинград посмотреть, а уже нарасхват.

– Таня, это какое-то недоразумение, – стал оправдываться Меченосец.

– Ничего себе недоразумение с полной запаухой титек, – возмутилась Татьяна и, передразнивая Вику, – Павлуша, ты же мне обещал.

– Да ничего я ей не обещал, – взорвался Меченосец, – подседа ко мне как-то раз, выклянчила кружку пива, так теперь уже обещал.

Уж лучше бы он этого не говорил.

– Так ты еще и пиво с ней пил, – по—новой завелась Татьяна.

– Не пил, а только угостил, – уточнил Меченосец.

– Ах, он только угостил, – опять возмутилась Татьяна, – он любезно угостил шлюху, которую знает пол Ленинграда.

– Откуда я знал, что она шлюха, – продолжал оправдываться Меченосец.

– Верю, что ты не знал, что она шлюха, – уже мягче произнесла Татьяна, – но обещать даже не шлюхе негоже, если встречаешься с другой женщиной.

– Танюша, да я ей, честное слово, ничего не обещал, – заглянув Татьяне в глаза, проникновенно заявил Меченосец.

Узкие щелки Татьянинных глаз превратились в голубые овалы, и она облегченно вздохнула:

– Хочу верить, что так оно и было.

В подъезд они входили молча, но их молчание говорило о многом. В их недолгой совместной жизни произошел первый надлом, который только по Татьяниной бабской отходчивости не завершился разрывом.

Этой ночью они легли, подвернув друг другу мягкие места, но через полчаса Меченосец не выдержал и, повернувшись к Татьяне, положил свою горячую руку на ее округлое бедро. Несколько минут они лежали без движения, потом Татьяна повернулась на спину и рука Меченосца, будто бы невзначай, соскользнула на ее мягкий лобок.

– Глупенький ты, мой, – прошептала Татьяна и впилась в его губы своими горячими губами.

Ангелине Ивановне сегодня снова было не до сна.

Живя с Татьяной, Меченосец совсем не задумывался над вопросом трудоустройства.

Ему иногда приходила в голову мысль о том, что негоже находиться на иждивении молодой женщины, но всякий раз он отгонял эту мысль, оправдываясь тем, что Татьяна сама этого хочет. А Татьяна не то, чтобы этого хотела, но все же побаивалась отпускать его от себя, даже на время работы. Только поэтому она не затевала с ним разговора о трудоустройстве, оттягивая его на лучшие дни. А дни эти все не приходили и не приходили.

Весна сменилась летом, а лето осенью. От ничего не деланья Меченосец как-то заскучал, пластинки ему уже изрядно поднадоели. В обществе Емельяныча он стал чувствовать себя некомфортно, поэтому, как только тот заходил к нему в комнату, старался найти причину, чтобы отвязаться от старика.

В кухне он стал все чаще встречаться со Светочкой и однажды, когда Татьяна была на работе, напросился к ней в гости. И причину же нашел подходящую – хочу, мол, попробовать поступить в техникум, а знаний не хватает.

Светочка, без задней мысли, обещала ему помочь, и Меченосец стал ее навещать.

За учебником математики они чуть лбами не сталкивались, и, в конце концов, он погладил ее по волосам.

Светочка от неожиданности отскочила от Меченосца и, посмотрев осуждающе в его глаза, произнесла:

– Не надо, Павел, это совсем нехорошо.

В этот вечер Меченосец вернулся в свою комнату раньше обычного, но еще долго на своей ладони ощущал тепло прикосновения к Светочкиным волосам.

Светочка у себя в комнате тоже не могла выйти из оцепенения. Ее еще ни разу так нежно не гладили по волосам.

В эту ночь она долго не могла уснуть, а когда все же уснула, то приснился ей сон, будто стоит она под струей теплой воды, а чьи-то нежные руки гладят ее по волосам, опускаясь все ниже и ниже. И когда эти нежные руки опустились на ее живот, она резко вскочила и больше уже не смогла уснуть.

На следующий вечер Меченосец не постучался в Светочкину дверь, не постучался он и потом. Зато потом в его дверь постучалась сама Светочка.

«Что же Вы не заходите, Павел, – проворковала она, – так Вы никогда не поступите в техникум».

Меченосец очень обрадовался, увидев Светочку, но внешне своей радости не показал. Они прошли в Светочкину комнату и уже через час отвлеклись от предмета под названием «Математика».

Их приятная близость была продолжительной и сверхтемпераментной. Кто бы мог подумать, что в тихой Светочке таится такой запас нерастроченной энергии. Во время оргазма ее хрупкое тело так подбрасывало могучие тела Меченосца, что тот хватался за спинку кровати

и всем своим передом старался припечатать Светочку к матрацу. И от этих движений Светочка вновь и вновь улетала в блаженство, стараясь удержать на себе Меченосца как можно дольше.

Если бы не обстоятельства, она не дала бы покоя Меченосцу всю ночь и даже весь следующий день. Она и представить себе не могла, как прекрасны мгновения близости с женщиной, который умеет удовлетворять женщину. Удовлетворять ее так, что она открывает в себе постоянное желание его ощущать.

Татьяна не сразу заметила изменения, которые произошли с ее молодой соседкой. Но через неделю она обратила внимание на то, что Светочка, как-то уж больно неуклюже, ее сторонится. Стоит Татьяне прийти на кухню, как Светочка стремится тут же из нее уйти.

Да и Ангелина Ивановна подлила в огонь подозрений ехидного маслица.

– Ну, что, милочка, – начала она, выйдя на кухню вслед за Татьяной, – все работаешь?

– Работаю, Ангелина Ивановна, а куда ж денешься, – вздохнула Татьяна.

– Как это куда денешься, – продолжила Ангелина Ивановна, – пора бы уж и кобелине твоему поработать, а то измаялся без дела-то.

– Да он вроде бы учиться собирается, – сообщила Татьяна.

– Собирается, – подтвердила Ангелина Ивановна, – только уж больно хорошо его консультируют.

Сказав это, Ангелина Ивановна взяла со стола чайник и ушла к себе в комнату.

– Так вот почему от меня Светочка шарахается, – подумала Татьяна.

Отпросившись с работы, она пораньше вернулась домой и, не найдя в своей комнате Меченосца, постучалась в Светочкину дверь. Дверь долго не открывали, надеясь на то, что постучат и отстанут, но Татьяна настойчиво продолжала колотить в дверь. Услышав шум, из своей комнаты высунулась Ангелина Ивановна.

– Стучишь, милочка, – спросила она, – стучи, стучи, они уже давно там.

Наконец, дверь отворилась, и смущенная Светочка появилась на пороге. Отодвинув ее, Татьяна вошла в комнату и, увидев склонившегося над учебником Меченосца, гневно спросила:

– Ну, что, занимаетесь, – и, не дожидаясь ответа, продолжила, – хорошо устроились. Кошка в двери, мышки в пляс.

Поняв, что его застукали и оправдываться бессмысленно, Меченосец решил пойти в нападение:

– Ты меня, что ли, мышкой считаешь?

– Да уж, какая из тебя мышка. Ты кот, точней, бессовестный котяра, – не сдерживая себя, заголосила Татьяна, – присосался, как пиявка, да еще и гадишь.

– Ты, Татьяна, не кричи, – попытался урезонить ее Меченосец.

И тут за спиной у Татьяны заговорила Ангелина Ивановна:

– Ишь, какой проходимец. Можно сказать, застукали на месте преступления, а он еще и харахорится.

Меченосец понял, что оправдываться бесполезно, поэтому закрыл учебник математики и встал из-за стола.

Светочка, заткнув уши, удалилась на кухню. И правильно сделала, потому что Ангелина Ивановна и Татьяна в два крикливых голоса продолжили накачку провинившегося Меченосца.

В общем, накачка закончилась тем, что выставила Татьяна за порог вещмешок Меченосца, и пошел он на все четыре стороны.

С Викой не соскучишься

Точнее, пошел наш оскорбленный Меченосец целенаправленно в Летний сад, где намеревался встретиться с Викторией и, хотя бы на время, приютиться у нее.

И, действительно, пьяненькая Вика прогуливалась по аллеям Летнего сада, в поисках нового хахала, как говорили местные старушки. Увидев Меченосца, она раскрыла свои объятия, еще четче обозначив округлость груди, и пошла ему навстречу.

– Павлуша, я так рада тебя видеть, – обнимая Меченосца, заворковала Вика, – обманщик, ты все же пришел ко мне.

Говоря это, она дыхла на Меченосца дешевеньким перегаром и обдала таким же дешевеньким ароматом духов. В ту пору гулящие женщины в нашей победившей фашистов стране не ценились так дорого, как сейчас, может быть потому, что не назывались тогда проститутками.

Да, если бы Вика называлась проституткой, она бы очень обиделась. Свое ненасытное влечение мужчинами она объясняла особенностями характера и чуткой душой.

Что касается особенностей характера, то их у Вики было предостаточно, и количество этих самых особенностей объективно зависело от полноты налитого стакана. От малой дозы она румянилась и становилась беззаботно веселой. По мере наполнения спиртным, ее веселость переходила в малую, а потом и в большую агрессивность. А от большой агрессивности ее чуткая душа моментально захлопывалась, и открывались шлюзы эротического беспредела. В таком состоянии Вика могла удовлетворить мужчину любыми способами и в любом месте. На публике сексуальные игры ей даже больше нравились. Каждая пара любопытных глаз вносила в ее жаждущее тело дополнительную волну возбуждения.

В тот момент, когда Меченосец встретил Вика, она была в состоянии легкого подпития, и до большой агрессивности было еще далеко.

Зайдя в кафе, они заказали бутылочку вина и нехитрую закуску.

За бутылочкой портвейна Меченосец наплел Вике красивую историю о том, что его, как опытного специалиста, не хотели увольнять из войск. Чтобы уволиться, ему пришлось переспать с женой военкома, и та устроила все в лучшем виде.

Услышав о женщине, Вика нахмурилась, но потом, что-то вспомнив, спросила:

– Это не та ли коза, с которой я тебя в прошлый раз застукала.

– Она, – соврал Меченосец, – ты в тот раз чуть не сорвала мой план увольнения.

– Ну, прости меня, Павлуша, я же не знала о твоих планах, – пьяненько извинилась Вика.

– Тогда выпьем за мое удачное увольнение, – предложил Меченосец.

– Давай, – с удовольствием согласилась Вика и, чокнувшись с Меченосцем, отпила из стакана большой глоток портвейна.

Закусив конфеткой, она спросила:

– А где же ты теперь остановился?

– Пока нигде, – ответил Меченосец, – сегодня пересплю на вокзале, а завтра пойду искать общежитие.

– Зачем на вокзале, – возмутилась Вика, – пойдем ко мне, у нас с матушкой трехкомнатная квартира на Гороховой.

Глотнув портвейна, Вика разоткровенничалась и рассказала о том, что ее матушка работает в домоуправлении, и когда во время блокады их соседка, имевшая две комнаты из трех, умерла, она сумела оформить на себя освободившиеся комнаты.

Еще Вика сообщила Меченосцу о том, что работает в парикмахерской и «Павлушину небритость и косматость» берет на себя.

Допив бутылку, они покинули Летний сад и направились в сторону Гороховой.

Ухватившись за локоть Меченосца, Вика шла с высоко поднятым подбородком, озорно поглядывая на прохожих. Ей было кайфово не только от выпитого спиртного, но и оттого, что рядом с ней шел красивый и здоровый мужчина.

На углу Загородного и Гороховой они не прошли мимо продовольственного магазинчика, где затарились спиртным и кой-ка кой закуской.

Викина матушка уже готовилась ко сну, когда Вика с гостем завалилась в квартиру.

Почувяв запах застолья, Антонина Федоровна, а именно так звали Викину матушку, приделась и помогла дочери накрыть на стол.

А за столом завязалась оживленная беседа, во время которой Меченосец поближе познакомился с Антониной Федоровной и несколько раз ловил на себе ее лукавый взгляд.

Только в два часа ночи женщины уgomонились и, убрав со стола, разошлись по комнатам. В спальне на своей дореволюционной кровати утихомирилась Антонина Федоровна, а на кровати другой комнаты возбужденная Вика скрупулезно исследовала голое тело расслабившегося Меченосца. От Викиного исследования тело Меченосца начало напрягаться и медленно поворачиваться в сторону Вики. Одно из напряжений уперлось в Викино бедро, потом стало медленно перемещаться в сторону живота. Одновременно губы Меченосца нащупали Викины соски, и она, застонала, не сдерживая чувств. А когда напряжение Меченосца вошло в лоно напряженности Вики, ее стоны стали усиливаться, а кровать начала интенсивно прогибаться.

Бедная Антонина Федоровна, Викины стоны рисовали в ее воображении мельчайшие детали половой игры, и она испытывала от этого неопишемое возбуждение. Как тут не испытаешь, если, закрыв глаза, она ощущала чье-то горячее прикосновение ниже пупка, а ее соски пытались выпрыгнуть из—под простыни. А впрочем, зачем простынь, ну ее ко всем чертям, Антонине Федоровне и без простыни жарко. Она сбросила простыню на пол и, в охватившем ее экстазе, стала метаться по широкой кровати. И это не мудрено, ей шел только сорок шестой год, а, устами народа говорит истина: «Если бабе сорок пять, баба ягодка опять».

А поутру они проснулись. Точнее, первой встала Антонина Федоровна. Она вышла в гостиную и, увидев приоткрытую дверь в комнату дочери, невольно заглянула туда.

На широкой кровати, разметав руки в стороны, лежал на спине голенький Меченосец, а у него под мышкой, свернувшись клубочком, сопела Вика.

На Вику Антонина Федоровна внимания не обратила, так как ее прищуренные глазенки впились во внушительное хозяйство Меченосца и ничего другого замечать не хотели.

Так она простояла минуты три, потом, вспомнив о своих домоуправских обязанностях, заторопилась на кухню и, попив чайку, тихо вышла из квартиры.

– Да, – размышляла про себя Антонина Федоровна, следуя на работу, – не обидел Павлушу бог ни силой, ни подживоточным хозяйством. Не по годам крепок мужичок.

Она еще долго бы размышляла о достоинствах Меченосца, но повстречавшаяся ей товарка отвлекла Антонину Федоровну от этих размышлений.

– Привет подружка, – поздоровалась товарка, – что это ты так задумалась?

– Ничего, – смутившись, ответила Антонина Федоровна, – думаю про сегодняшний распорядок, с чего начать, чем продолжить.

– Да уж, полно тебе, – поддержала разговор товарка, – о себе бы подумала, а то все работа, да работа.

– А чего о себе думать, за меня теперь Вика думает, – произнесла Антонина Федоровна.

– А ты, что ж, совсем про любовь забыла? – спросила товарка.

– Да полно тебе, какая уж в моем возрасте любовь, – ответила Антонина Федоровна.

– Как это какая любовь, – возмутилась товарка, – да в твои-то годы от мужиков только перья должны лететь.

– А где теперь мужиков-то возьмешь, – с грустью произнесла Антонина Федоровна, – не все мужики с фронта-то вернулась, да и те калека на калеке.

– Что это тебе все калеки попадают? Я куда ни посмотрю, одних богатырей вижу, – весело заявила товарка.

– Богатырей видишь, а сама все одна столуешься, – сказала Антонина Федоровна.

– А я, может быть, разборчивая очень, – стрельнув глазками, воскликнула товарка.

– Вот и я, видать, разборчивая, – произнесла Антонина Федоровна.

– Из-за своей разборчивости так и останемся в старых девах, – подытожила товарка.

На том они и расстались.

А Вика, пригретая Меченосцем, проспала все на свете. Если бы не утренний массаж, который сделал ей Меченосец, она, вообще, ни за чтобы не проснулась.

А Меченосец, с трудом открыв заспанные глаза, провел ими по интерьеру комнаты, перевел их под свою подмышку и, обнаружив там Вику, запустил в ее кудрявые волосы свою широкую ладонь.

Вика неохотно зашевелилась, что-то промямила и подвернула Меченосцу свой соблазнительный зад.

Фантазии у Меченосца тут же разыгрались, а вслед за фантазиями по его телу пробежала возбудительная волна столбняка.

– Ну, что с ним поделаешь, – подумал Меченосец и, пристроившись к Викиному заду, попытался ее растормошить.

Не одну минуту пришлось тормошить ему Вику, наконец, она выгнулась и руками помогла ему в нее войти.

А потом были подъем переворотом, кульбит с завыванием, мах ягодицами и глубокое погружение. И завершился этот спортивный набор победным воплем двух удовлетворенных людей.

Как хорошо, что Антонина Федоровна не слышала этого вопля.

Этого-то она не слышала, а вот другие придыхания ей снова пришлось выслушивать, так как вечером, повторив застольные процедуры, они вновь разошлись по комнатам.

И снова Антонина Федоровна металась по своей кровати в поисках мужской руки, которая в мыслях доводила ее до безумия. До безумия ее доводила не только вся рука, но и отдельные ее пальчики. Они аккуратно массировали ее соски, заставляя их набухнуть, нахально лезли то в рот, то под живот и нежно дотрагивались до вихляющих бедер.

Но это блаженство было отчасти виртуальным, а Антонине Федоровне хотелось реального блаженства с участием конкретного мужчины. А так как в ближайшем ее окружении из мужчин убедительно маячил только Меченосец, то все ее женское обаяние переключилось на него. Она и до этого посматривала на Меченосца зовущими глазами, но после нескольких бессонных ночей ее глаза стали излучать трепетно—умоляющие импульсы.

Около месяца Меченосец никак не реагировал на эти импульсы, и тогда Антонина Федоровна решила перейти к решительным действиям.

В один из дней, когда Вика была на работе, она вернулась из домоуправления значительно раньше. Сняв в прихожей пальто, Антонина Федоровна вошла в гостиную.

Меченосец, как всегда, валялся на диване с книжкой в руках и нехотя перелистывал ее страницы.

Увидев Антонину Федоровну, он попытался встать, но Антонина Федоровна остановила его, сказав:

– Лежи, лежи, я сегодня немного пораньше.

Пройдя в свою комнату, она разделась и, громко охая, легла на кровать.

Меченосец то ли не услышал ее оханий, то ли, просто, не отреагировал на них, и тогда Антонина Федоровна с придыханием воскликнула:

– Павлуша, принеси мне водички.

Услышав просьбу, Меченосец сходил на кухню, наполнил в кружку кипяченой водой и прошел в комнату Антонины Федоровны.

Протянув кружку, Меченосец поинтересовался:

– Антонина Федоровна, вам плохо?

– Да, Павлуша, знобит меня что-то, потрогай мою голову, у меня, кажется температура – тихо поведала Антонина Федоровна.

Меченосец постоял в нерешительности несколько мгновений, потом осторожно опустил свою широкую ладонь на лоб Антонины Федоровны.

Ему показалось, что никакого жара у Антонины Федоровны не наблюдается:

– Да, вроде, нет у Вас никакого жара.

Сказав это, он стал убирать свою ладонь с ее лба, но Антонина Федоровна схватила его руку и приложила его ладонь к своей левой груди:

– Павлуша, разве ты не чувствуешь, что я вся горю?

Вот теперь Меченосец, действительно, почувствовал, что Антонина Федоровна вся дрожит. Его рука уже не стремилась убраться с дрожащего женского тела, наоборот, она даже как-то напряглась.

Антонина Федоровна, почувствовав напряжение Меченосца, стала перемещать его руку в низ живота, а когда он к ней наклонился, обхватила его за шею и притянула к себе.

Срывая в беспамятстве его одежды, она все сильнее ощущала мужской аромат молодого тела, и этот аромат, пробудив в ней состояние половой неудовлетворенности, окончательно завладел ее рассудком.

Срывая одежды, она покрывала оголившееся тело Меченосца жаркими поцелуями, вынуждая его к ответным действиям. Его ответные действия были не менее жаркими и эмоциональными.

Обоюдное перевозбуждение привело к тому, что их любовная игра была искрометной, а оргазм сногшибательным.

В эту ночь Антонина Федоровна спала, как убитая, но под утро ей приснился прекрасный сон, будто идет она с Меченосцем по розовой аллее, на ней белоснежное платье и развивающаяся на ветру изумрудная вуаль. Вдоль аллеи стоят ее знакомые, они приветливо машут букетиками цветов и искренне радуются. А больше всех радуется ее товарка.

Но в жизни все получилось значительно прозаичней.

Не так часто Антонина Федоровна могла уходить с работы пораньше, да и Вике надоело кормить Меченосца только за то, что он удовлетворял ее похотные желания. За неимением денег он никуда ее не приглашал, а сидеть постоянно дома Вике не очень-то и хотелось. Намеками Вика пыталась пробудить в Меченосце чувство мужчины, который должен быть не только меринком, но и добытчиком, но эти намеки Меченосец не понимал, а, может быть, понимать не хотел.

Перед Новым годом у них состоялся нелिцеприятный разговор, свидетельницей которого была и Антонина Федоровна.

Вика в открытую заявила о том, что Меченосцу уже давно пора подумать об устройстве на работу.

– Сколько можно бить баклуши, – спросила она, – все мужики, как мужики, а ты только и знаешь, что валяешься на диване, да забиваешь козла во дворе.

Меченосец попытался ей что-то возразить, но Вика еще больше распалилась и в эту ночь прогнала его на диван.

Предчувствуя беду, Антонина Федоровна уговорила Меченосца пойти на работу и даже предложила ему должность слесаря в домоуправлении.

Лучше бы она этого не предлагала.

После Нового года Меченосец вышел на работу и, попрактиковавшись у опытных слесарей пару недель, стал самостоятельно выходить на запросы рассерженных жителей.

Вика, вернув Меченосца на кровать, удовлетворенно вздохнула, а Антонина Федоровна была рада тому, что с Меченосцем теперь могла видеться чаще. Кабинет у Антонины Федоровны был оборудован не только столом и стульями, но и диваном.

Слесарные будни с налетом эротики

Первое время ничем особенным слесарные будни не отличались. Отработав положенные часы, трезвый Меченосец возвращался домой и, отужинав с Викой и Антониной Федоровной, укладывался спать.

Правда, с первой полочки он сводил Вику в ресторан, и она отблагодарила его ночью продолжительными ласками.

Но, влившись в дружный коллектив слесарей и электриков, Меченосец все чаще стал приходить домой под градусом.

Антонина Федоровна с трудом, но все же сдерживала Викино недовольство, и до серьезных разборок дело не доходило.

А Меченосец выпивал не только в компании работяг, деля с ними заработанное спиртное. Нередко ему приходилось выпивать в домашнем кругу хорошеньких жиличек, к которым он приходил не только с разводным ключом.

Особенно ему запомнилась женщина, с которой он, в должности слесаря, совершил свой первый половой подвиг. Чинил он тогда водопроводный кран, заменяя прокладку, одной пышнотелой женщине. Заменяв прокладку, он хотел уходить, но женщина остановила его, предложив попробовать отличного армянского коньячку. А кто же откажется от настоящих пяти звезд.

На столе появились бутылка коньячку, коробка конфет и блюдо с нарезанным лимоном, но хозяйка не дала Меченосцу сесть за стол. Налив в бокалы коньяку, она пригласила его на диван и предложила тост за приятных мужчин в рабочей спецовке.

Тост Меченосцу не понравился, как не нравилась и сама рабочая одежда, но коньяк приятно щекотал ноздри, и он залпом маханул содержимое бокала.

Хозяйка недовольно посмотрела на Меченосца, но потом мило улыбнулась и произнесла:

– Коньяк так не пьют, молодой человек. А кстати, как Вас зовут?

– Меня, – переспросил Меченосец, – меня Павлом кличут.

– Ну, что ж, Павел, тогда давай выпьем за наше знакомство, – предложила хозяйка, переходя на ты.

Сказав это, она наполнила бокал Меченосца, но теперь он отпил из бокала только самую малость.

Закинув ногу на ногу так, что перед Меченосцем оголились ее толстые ляжки и кружева короткой комбинации, хозяйка с придыханием произнесла:

– Не надо стесняться меня, Павел. Я женщина слабая и ранимая.

– Да я Вас и не стесняюсь, – бодро сказал Меченосец, – меня, просто, в других квартирах ждут.

«Ничего, раз ждут, значит, дождутся», – сказала она и, подвинувшись к Меченосцу, провела рукой по его щеке.

Почуввав запах дорогих духов, Меченосец перестал сопротивляться и, скинув робу, основательно взялся за хозяйкины прелести, но под халатом и комбинацией скрывалось рыхловатое, не тронутое загаром тело с жировыми складками над рыжеватым треугольником волос.

– Не конфетка, но и не сахарин, – подумал Меченосец и запустил свою лапу между ног разомлевшей хозяйки.

Промучился он на ней около получаса, наконец, она ойкнула и забилась в слабых конвульсиях.

После любовной утехи Меченосец сделал вывод о том, что желание, вызванное бездельем, перло у хозяйки через край, но темпераменту ей явно не доставало.

С этого момента на свою слесарную работу Меченосец стал смотреть совершенно по— другому. Он теперь торопился на каждый вызов и искренне огорчился, когда дверь ему открывала не женщина, а какой-нибудь старик или школьник. Особенно это касалось коммунальных квартир.

Но в одной коммунальной квартире дверь хоть и открыл тщедушный старичок, дальнейшие события развивались по приятному для Меченосца сценарию.

Открыв дверь, старичок показал на ванную комнату и, сообщив о том, что там засорился слив, скрылся в своей комнате.

Каково же было удивление Меченосца, когда, открыв дверь в ванную, он обнаружил там симпатичную блондинку, которая, мурлыкая что-то веселенькое, стояла под тугой струей душа. Он хотел было повернуть назад, но профессиональное любопытство заставило его войти в ванную и закрыть за собой дверь.

Почувствовав на себе чей-то взгляд, блондинка выглянула из-за шторы и, немного смутившись, произнесла:

– А вы что здесь делаете?

– Как что, меня вызвали, потому что у вас что-то засорилось, – доложил Меченосец.

– У меня, парниша, ничего еще не засорилось, – заявила блондинка и исчезла за шторой.

Потом она о чем-то подумала и, отодвинув штору, разрешила:

– Ну, уж раз пришли, делайте свою работу.

– Ничего, я подожду, пока Вы помоеетесь, – сказал Меченосец.

– Долго ждать будете, – сказала блондинка, а потом вдруг предложила, – а не сполоснуться ли Вам под душем?

Второй раз Меченосца просить было не надо. Быстро скинув одежду, он забрался под душ, и первый раз в жизни тугая теплая струя воды участвовала вместе с ним в любовном общении с женщиной, да еще какой женщиной. Ее упругие груди массировали тело Меченосца на уровне пупка, а в пупок блондинки упиралось его взбудораженное хозяйство. Теплая вода еще больше возбуждала молодых, и от этого их ласки становились еще более желанными.

Вдоволь наигравшись под теплой водой, они смыли излишнее возбуждение водой холодной, и блондинка пригласила Меченосца на чай.

За чаем они разговорились, и блондинка рассказала ему о том, что очень часто сама справляется с засорами, а дед, обнаружив засор, постоянно вызывает работников домоуправления.

На вопрос: «Почему Вы в ванной не закрываетесь», блондинка ответила, что закрываться здесь не от кого, а иногда она специально оставляет дверь в ванную полуоткрытой, потому, что дедовские подсматривания возбуждают ее, и под теплой струей она доводит себя до оргазма.

Такого женского откровения Меченосец еще никогда не встречал, но это откровение ему очень понравилось.

А на прощание блондинка чмокнула его в щечку и просила хоть изредка ее навещать.

Меченосец внял ее просьбе и два—три раза в месяц приходил в эту квартиру прочищать то ли засор, то ли еще чего—либо.

Прочищать чего—либо ему приходилось и в других квартирах.

Например, в одной из квартир он попал в руки темпераментной женщины лет пятидесяти, которая, вывернув его наизнанку, не отпускала из объятий целых три часа. Чем-то она напомнила Меченосцу Анастасию Гавриловну, может быть, эротическим бельем, а, может быть, разнообразием вариантов, но вариантов у женщины оказалось значительно больше. Разве могла провинциальная Анастасия Гавриловна переплюнуть в любовных утехх многоопытную соблазнительницу из такого большого города, как Ленинград.

За эти три часа Меченосец впервые попробовал позу валета и боковое нашествие сзади.

В общем, отдавалась Меченосцу женщина, словно в последний раз, хотя таких последних разов было в дальнейшем очень и очень много.

Выполняя запросы жильцов, Меченосец не забывал ублажать Антонину Федоровну и ее темпераментную дочь. Только вот Вика стала по вечерам все чаще задерживаться на работе, на что Меченосец никак не реагировал.

Антонине Федоровне это было на руку, так как Меченосец стал больше внимания уделять ей.

Первое время Вику раздражало равнодушие Меченосца, но, наевшись за пределами дома, она уже не спешила закусывать им.

К слову сказать, не всегда любовные утехы Меченосца заканчивались только удовлетворением.

В одной из квартир женщина так увлеклась Меченосцем, что совсем забыла про время, и тому пришлось спускаться с третьего этажа по водосточной трубе, дабы избежать встречи с вернувшимся после работы мужем. Почуввав недоброе, муж все равно проучил кулаками женщину, но этот случай не получил дальнейшего продолжения.

А вот в другой квартире муж застучал Меченосца прямо на женщине. Обнаружив такое бестыдство, муж набросился с кулаками на Меченосца, но от удара в челюсть, немного поостыл и ограничился только жалобой в домоуправление.

В домоуправлении эту жалобу разобрали и объявили Меченосцу строгий выговор без предупреждения. Предупреждение последовало позже от Антонины Федоровны. Очередной сеанс их любовной игры закончился вопросом:

– Как же ты мог, Павлуша, неужели тебе не хватает меня и Вики?

На этот вопрос Антонина Федоровна так и не получила однозначного ответа. Меченосец проямлил что-то про трудную работу, про свой податливый характер, которым воспользовалась развратная женщина. Он, конечно, не упомянул ей о том, что этих женщин через него прошел не один десяток, но Антонине Федоровне и одной женщины было достаточно, чтобы затаить в своей груди пока еще небольшую обиду.

После этого у Меченосца было еще много приятных вызовов на устранение коммунальных неполадок, а одна из них отличалась своей не традиционностью.

В конце рабочего дня, придя в одну из квартир, он обнаружил двух молодых девиц, которые сидели за накрытым по—праздничному столом. Оказалось, что они, таким образом, отмечают двадцать... летие одной из них.

Быстро починив сливной бачок, Меченосец заторопился к выходу, но хозяйка квартиры остановила его, пригласив за стол.

Мы уже знаем, что скромностью наш Меченосец не отличался, поэтому без промедления согласился и тут же занял почетное место рядом с двумя миленькими девушками.

Хозяйка, которую звали Наташа, налила Меченосцу штрафную, а после этого сразу же вторую, предложив сказать какой-нибудь тост. И Меченосец не на шутку разошелся:

– Дорогая Наташа, – начал он, заговорив нерифмованными стихами, – я хочу выпить за твои голубые, как лесное озеро, глаза. Глядя в эту голубизну, я завидую тому мужчине, который будет чаще других отражаться в ней.

Наташа, как и ее подруга Лена, застыли в оцепенении, потом переглянулись, и Лена произнесла:

– Ну, ты выдал, слесарь. Я первый раз услышала такой красивый тост.

А Наташа наклонилась к Меченосцу и, поцеловав, спросила:

– А как зовут-то тебя, слесарь?

– Меня, Павлом, – ответил Меченосец.

– Ну, что ж, Павел, тогда за знакомство, – предложила Наташа.

Они выпили за знакомство, а потом Меченосец рассказал девушкам несколько фронтальных историй, которые произошли, якобы, с ним.

В этих историях Меченосец предстал перед девушками в образе смелого бойца, который уложил на полях сражений не один десяток фашистов, а еще он поведал о передрыгах, в которые ему пришлось попадать, выполняя в тылу врага ответственные задания.

Слушая Меченосца, девушки незаметно гипнотизировались его речами и жестами, а выпитое спиртное дополняло гипнотического эффекта в их захмелевшее сознание.

Может быть, этот гипноз, а, может быть, вспыхнувшее желание хозяйки послужили той причиной, по которой Меченосец остался у них ночевать. Далеко за полночь хозяйка приостановила приятное застолье, и, постелив Меченосцу на полу, сама с подружкой ушла в спальню.

Лежа на полу, Меченосец долго не мог уснуть, прислушиваясь к каждому шороху, который исходил из соседней комнаты, а когда его тяжелые веки стали смыкаться, кто-то прилег к нему под бочек. Руки этого кого-то обвили его за шею, и всем своим молодым телом этот кто-то прижался к разомлевшему Меченосцу.

– Павлик, дорогой, я очень тебя хочу, – зашептало это кто-то голосом Наташи, – обними меня, пожалуйста.

Меченосец тут же пробудился и, притянув к себе Наташу, стал жадно целовать ее лицо, груди и живот. От этих поцелуев Наташа, как от озноба, затряслась, и тихо застонала.

Ее возбуждающие стоны вывели из сонного состояния Лену и та, полежав немного на спине, встала и с закрытыми глазами пошла на эти стоны, ведомая желанием включиться в их любовную игру.

За любовными ласками Меченосец сначала и не заметил, как чья-то рука тронула его за пятку, потом за голень, потом за бедро. Но когда рука коснулась его бубенчиков, он с новой силой застонал и впился губами в раскрытые Наташины губы.

Теперь они в темноте ласкали друг друга, совсем не задумываясь над тем, чья рука в данный момент ласкает ту или иную часть его тела. Они без раздумий упивались этими ласками, доводя себя тем самым до вершины блаженства. Слизывая свой пот с нежных девчоночьих губ, Меченосец еще больше заводился, и его энергия с бешеной скоростью распределялась между двух трепещущих женских тел. В то время как одну из них он удовлетворял губами и руками, другая удовлетворялась его биением между ног. Если одна оказывалась на нем, то другую он обязательно заводил язычком. И так Меченосец работал всю оставшуюся ночь.

Правда, это была не совсем та работа, от которой он быстро уставал. Это была работа, от которой он получал истинное удовольствие и которой хотел постоянно отдаваться.

Утром осунувшийся Меченосец предстал перед очами Антонины Федоровны. Как не сдерживала себя Антонина Федоровна, она все же высказала Меченосцу пару ласковых, от которых у него заныло под ребром.

Отработав смену, он пришел домой и там получил разгон еще и от Вики.

В этот раз Вика сказала о том, что больше не будет терпеть его выходки и, если еще раз повторится что-нибудь подобное, она выставит его чемодан за дверь.

Только выставить чемодан за дверь Вике так и не удалось. Испугавшись мужниной мести, одна из удовлетворенных Меченосцем женщин, написала на него донос, и любвеобильный Меченосец угодил в тюрьму за изнасилование, которого он и не совершал.

В тот раз все было, как обычно. Придя чинить кран, Меченосец повелся на соблазнительные подмигивания женщины и утешил ее по полной программе, не забыв поставить в позу Георгина. Так красиво он называл положение, в котором многие животные удовлетворяют друг друга. В позе Георгина, если нужно было взять чуть выше, Меченосец активно использовал вазелин или обильную женскую слюну. За эту позу женщина так благодарила Меченосца, что подарила ему перстень мужниной бабушки. Кстати, этот перстень потом пришили к делу в качестве вещественного доказательства того, что Меченосец не только изнасиловал

женщину, но и спер у нее перстенок. В общем, Меченосец оказался не только насильником, но еще и вором.

На нарах жестко и тревожно

Не буду вдаваться в подробности скорого суда, но загремел наш Меченосец в свои родные сибирские края не по собственной воле, а по жесткому решению того самого суда.

И тут, заняв место на нарах, он вспомнил о своей матушке и родных сестрах. Из-за колючей проволоки полетели на малую родину его письма, в которых сожалел наш Меченосец о том, что долго не давал о себе знать, ссылаясь на свою большую занятость.

Получив письмо, сердобольная Авдотья собрала Меченосцу нехитрую посылку и с помощью Ольги переправила ее на почту.

С этого дня посылки Меченосцу стали приходиться с завидным постоянством, что не могло не радовать соседей по бараку. Но даже за этой радостью ощущалась нескрываемая агрессивность, с которой относились к насильникам заключенные. Эта агрессивность переходила порой в открытые угрозы, а то и в рукоприкладство, и если бы не дюжинная сила, быть бы Меченосцу опущенным и забитым.

Кроме того, лесоповал для Меченосца был делом знакомым, так как практика валки деревьев, которую он получил в юности, помогла ему быстро войти в результативную колею. Причем нередко он помогал своим соседям по бараку с выполнением плана, что также шло в его актив. Уже через месяц Меченосец был представлен одному из криминальных авторитетов по прозвищу Кудлатый, и тот взял его под свое покровительство.

С этого дня ни одна из шавок не могла высказывать в адрес Меченосца каких—либо угроз.

И все бы было нормально, если бы не отсутствие женщин. Ни один из заключенных не переносил это так болезненно, как Меченосец. Каждую ночь деревянные нары натужно поскрипывали под ним, так как снились ему женщины, которых он еще совсем недавно ублажал на свободе. И будили эти воспоминания такие страстные переживания, что просыпался Меченосец не только в холодном поту, но и в сперме.

Поневоле он стал заглядываться на молоденьких преступников, и одного из них, недели через две, сумел соблазнить. Соблазнить не чем-нибудь, а порцайкой заварки, заныканной из посылки.

Это соблазнение было не только приятным, но и полезным. Оказалось, что Валера, которого Меченосец соблазнил, был заядлым картежником, а точнее картежным шулером, за что и получил свой немалый срок. Срок был бы значительно меньшим, а место заключения находилось бы намного ближе к цивилизации, если бы обыграл Валера какого-нибудь смерда, а то угораздило ему выиграть на югах у партийного начальника, который и упек его за решетку на длительный период.

Так Валера оказался в сибирском лагере с лесоповальной спецификой. И если Меченосцу валить деревья было как два пальца об асфальт, то Валере каждое заваленное дерево давалось с большим трудом.

На этой почве во многом и произошло их взаимовыгодное сотрудничество. Меченосец помогал Валере деревья валить, а Валера подставлял Меченосцу свой зад, да учил в свободное время картежным премудростям.

А когда на Валеру нацелился еще один заключенный, Меченосец угостил его своим увесистым кулаком, отбив у него всякое желание заниматься сексом.

Много писать о лагерной жизни мне не хочется потому, что жизнь эта не отличалась каким-нибудь разнообразием. Разве что кто-то кого-то посадит на шило, или измудохают нерадивого заключенного свирепые охранники, или придавит какого-нибудь раззяву завалившееся дерево.

В общем, не жизнь, а сплошное наказание.

Отбыв свой срок, первым на свободу вышел Валера, а за ним за калитку лагеря поспешил и Кудлатый.

Прощание с Валерой было по—мужски сдержанным и коротким. Обнялись, перекинулись несколькими фразами и разошлись, договорившись встретиться уже на воле.

Первое время Меченосец очень грустил, вспоминая Валеру, но через месяц грусть оставила брэнное тело Меченосца, и он занялся поисками новой задницы.

А сидеть Меченосцу оставалось целых пять лет и три месяца. Если бы не кончина в Кремле великого и жестокого, может быть, и не вышел бы Меченосец из-за колючей проволоки живым, так как вместе с Кудлатым на свободу смылось и его покровительство.

Несколько раз порывались шkodливые шавки подмять под себя Меченосца, но тот, как мог, отбивался от них своими увесистыми кулаками, а где не помогали кулаки, там в ход шли приготовленные им дубины.

Со смертью вождя всех времен и народов в стране была объявлена амнистия, по которой Меченосца отпустили на долгожданную свободу, и было ему в ту пору двадцать семь лет, шесть месяцев и двенадцать дней. На левой груди Меченосца на всю жизнь осталась лагерная отметина – татуировка в виде силуэта товарища Сталина с надписью «Век бы воли не видать»

Возвращение на родину

Покинув территорию лагеря, Меченосец глубоко вздохнул, стараясь поскорей напиться воздуха свободы, потом, ускоряясь, пошел в сторону железнодорожной станции.

Уже на следующее утро он приехал в свой городок и, прежде чем войти в дом, долго стоял, глядя на покосившееся крыльцо.

Кроме Авдотьи в доме никого не было. Увидев сына, она тут же узнала его по глазам, которые еще не успели покрыться старческой пеленой.

– Павлуша, родненький ты мой, – бросилась к нему мать, – наконец-то ты приехал.

Слезы так и текли у нее по щекам, заливая ворот изношенной кофточки, которую Меченосец видел на матери в день своего отъезда на фронт.

– Мама, – вырвалось у него из груди, – родненькая ты моя, что же ты плачешь. Ведь я вернулся.

Услышав голос сына, Авдотья еще больше расплакалась и, уткнувшись носом в его пропахшую дымом грудь, все повторяла:

– Павлик, родненький ты мой, Павлик, кровинушка ты моя.

Наконец, слезы у Авдотьи кончились, и она суетно захлопотала возле печки.

Меченосец вынул из вещевого мешка отрез ситца, бутылку сибирской водки и несколько банок рыбных консервов и тушенки. Отрез ситца он протянул матери, бутылку водки и консервы выложил на стол.

Мать, поблагодарив сына за подарок, долго рассматривала цветастый материал, примеряя его на себе. Потом бережно положила его в сундук и продолжила накрывать на стол.

На столе появились чугунок с тушеной картошкой, тарелка с солеными огурцами и помидорами. Из загашника мать достала солидный кусок сала и разрешила его на кусочки.

– Угощайся сынок, чем бог послал, – перекрестившись, сказала Авдотья и присела за стол напротив сына.

Меченосец налил себе в стакан сибирской водки и, сказав: «За тебя, мама», залпом выпил.

Пока он закусывал, мать с нескрываемой теплотой смотрела на своего единственного сына, гостеприимно повторяя:

– Кушай, сынок, кушай. Изголодался, поди, на казенных-то харчах.

Заморив червячка, Меченосец спросил:

– А где Наталья с Ольгой?

– Наталья шестой год, как замужем, – ответила Авдотья, – у нее уж сынишке четвертый годок. Нонче еще одного ждут. А Ольга вскорости с работы придет.

– А она еще замуж не вышла? – вновь спросил Меченосец.

– Еще не вышла, – ответила Авдотья, – сватался тут к ней один, так она его мигом отшила.

– А что так? – задал новый вопрос Меченосец.

– А то и отшила, что очень шустрым оказался, – сказала Авдотья, – не успели познакомиться, а он уж под подол полез.

– Так на то он и мужик, – попытался заступиться за мужика Меченосец.

– Мужик мужику рознь, – не согласилась Авдотья с сыном, – вон у Наташки мужик, так мужик, и хозяйство держит, и жену голубит.

– Ну, что ж, очень рад за Наташку, выхолит, что повезло ей, – произнес Меченосец.

Налив себе еще водки, он выпил и, поморщившись, закусил огурцом.

– А ты-то что думаешь, сынок? – обратилась к нему Авдотья.

– А я, мама, немножко осмотрюсь, а там видно будет, – ответил Меченосец.

– Конечно, – поддержала его Авдотья, – сначала осмотреться надо.

Заметив, что у сына слипаются глаза, она предложила:

– Ты отдохни, сынок с дороги, а то утомился, чай.

Меченосец, не сопротивляясь, разделся и завалился на полати, на которых еще в детстве любил спать вместе с рыжим котом Шустриком.

– Ну, вот, наконец-то полати дождались своего хозяина, – произнесла Авдотья и заштопила занавеску.

Вечером Меченосца разбудил звонкий голос сестренки. Вбежавшая в комнату Ольга, увидев мужскую одежду, тут же воскликнула:

– Пашка вернулся, Пашка вернулся.

Она подбежала к печке и, отдернув занавеску, стала трясти Меченосца за плечо:

– А ну, вставай, лежебока. Ишь, развалился. Успеешь еще выспаться.

Не дожидаясь, пока Меченосец спустится с полатей, она побежала к Наталье, чтобы сообщить ей радостную вещь.

Через полчаса в комнате появились Наталья с мужем Архипом и маленьким Петром и запыхавшаяся Ольга. Женщины стали помогать матери накрыть на стол, а мужички вышли на улицу подышать свежим воздухом.

Разговор у них так и не получился, только несколько дежурных фраз и долгое молчание, которое прервал голос Ольги, приглашавшей их в дом.

За столом завязался оживленный разговор, во время которого родственники хотели узнать о жизни Меченосца как можно больше.

Меченосец, как всегда, наплел им про свои подвиги во время войны, а о причине отсидки рассказал родственникам следующую легенду.

После фронта затащил его однополчанин в Ленинград, и устроился он там бригадиром слесарей по причине своего фронтового прошлого.

Мужички в бригаде попались ему серьезные, но слабые на спиртное. Сколько сил пришлось приложить Меченосцу, чтобы избавить мужиков от алкогольной зависимости.

Но работа не прошла бесследно, бросили мужички выпивать без повода и только по большим праздникам позволяли себе расслабиться. Бригада была на первых местах до тех пор, пока в организацию не пришел новый руководитель, и стал этот руководитель придирается к бригаде. Что бы она ни сделала, все было плохо. Перевыполняла план, находился какой-нибудь брак. Выходила с реальными инициативами, они на корню зарубались. А под конец года лишил новый начальник бригаду больших премиальных.

– А я бригадир, – продолжал Меченосец, – кто, кроме меня, может защитить бригаду? Пошел я к этому начальнику и спрашиваю: «Почему нашу бригаду лишили премиальных?»

– А ты кто такой, чтобы мне вопросы задавать? – вопросом на вопрос отвечает начальник.

– Как это кто, – обиделся я, – я все-таки бригадир.

А начальник мне и отвечает:

– Был бригадир, да весь вышел.

– Это как это вышел, – спрашиваю я.

– А вот так и вышел, – отвечает он мне, – сегодня я подписал приказ о твоём освобождении от руководства бригадой.

– Это какой еще приказ? – возмутился я.

– А самый обыкновенный, которых я подписываю не один десяток в месяц, – отвечает он мне.

И тогда я не помню, как схватил этого начальника за грудки, да как шархну его об стену. Прибежал тут его зам, я и его по башке оприходовал.

В общем, отвезли вашего родственничка в кутузку, и как ни боролась за мое освобождение бригада, упекли меня, дальше некуда.

Рассказ Меченосца вызвал у родственников реакцию, при которой посыпались из них осуждающие высказывания в адрес отдельных руководителей и власти в целом.

– А куда же смотрела власть, – задала вопрос Наталья.

– А чего ей смотреть, – за Меченосца ответила Ольга, – сами катаются, как сыр в масле, а до простых людей им и дела нет.

– Совсем правды не найти, – тяжело вздохнув, согласилась Авдотья.

– О какой правде ты говоришь, – продолжила возмущение Наталья, – ее как не было, так и нет.

– Нет, до войны было посправедливей, – призналась Авдотья.

– Не знаю, как до войны, а теперь совсем житья нет, – произнесла Ольга, – слыхано ли дело, победителя в тюрьму сажать.

– Да, уж, – согласилась с ней Наталья, – человек кровь за Родину проливал, а его в кутузку.

В общем, возмущению не было конца, и только Архип молча наблюдал за происходящим, да трехлетний Петька сидел на руках у матери и, открыв рот, внимательно слушал рассуждения взрослых. Иногда он смотрел на Меченосца, и тому казалось, что взгляд у мальчонки не любопытный, а осуждающий.

Поругав власть, родственники выпили по последней, и Архип увел свое семейство домой.

Эта ночь для Меченосца оказалась бессонной. Во—первых, потому, что его вранье не приносило ему облегченья, а, во—вторых, потому, что нахождение на свободе требовало от него скорейшего разрешения полового вопроса.

Следующий день начался с пения петухов, от которого Меченосец за прошедшие годы совсем отвык. Проснувшись с больной головой, Меченосец отпил из банки рассольчику и, выйдя во двор, присел на подготовленное к распиловке бревно.

– Хорошо дома, – подумал он, – но вряд ли я смогу здесь задержаться надолго. За прошедшие годы здесь ровным счетом ничего не изменилось. Да и привык я уже к жизни в большом городе. Побуду здесь еще неделку, да и уеду опять в Ленинград.

Из соседнего подъезда вышел парень, в котором Меченосец узнал своего друга, с кем в детстве подсматривал за девчонками.

Парень тоже узнал Меченосца и, подойдя к нему, воскликнул:

– Меченосец, какими судьбами?

– Да вот, Серега, приехал родню навестить, – ответил Меченосец.

– А где сейчас обитаешь? – вновь спросил Серега.

– Я прямо с фронта в Ленинград поехал, там и живу, – сообщил Меченосец.

– А видок-то у тебя совсем не столичный, – заметил Серега.

– Да я уж переодеться успел, – поспешил объяснить Меченосец, – чего выделяться-то.

– И то верно, – согласился с ним Серега, – в прошлом году к родителям из Иркутска Федька приезжал. Помнишь Федьку-то?

– Как же не помнить, – ответил Меченосец, – он так и покрыт веснушками с головы до пят?

– А куда ж они денутся, – произнес Серега, – только теперь они позаметней стали, отъел Федька харю-то, как боров стал.

– Ну, так вот, – продолжил Серега, – приехал Федька к родителям, посидел с ними и в город. Ходит по улицам в своих фетровых сапогах, драповом пальто и пыжиковой шапке туда—сюда, туда—сюда. Дескать, смотрите земляки, каким важным я стал, а сам устроился в Иркутске каким-то кладовщиком, а туда же, начальника из себя корчит.

– Кладовщики теперь при деньгах, – произнес Меченосец, – а если по продовольственной части, так при больших деньгах.

– Не знаю, по какой он части, только уж больно важный, – сказал Серега.

– А не скажешь, где теперь Машка? – после минутной паузы спросил Меченосец.

– Сидорук, что ли? – переспросил Серега.

– Сидорук, – подтвердил Меченосец.

– А Машка Сидорук теперь в пивнушке работает, – ответил Серега, – в отдельной квартире теперь Машка живет.

– Наверное, замуж удачно вышла, – поинтересовался Меченосец.

– Какое замуж, – воскликнул Серега, – она мужиков, как перчатки меняет. Просто пиво пенное, вот и разжилась Машка квартирой.

– Послушай, а не заглянуть ли нам сейчас в пивную, – предложил Меченосец.

– Почему не заглянуть – согласился Серега, – сегодня я выходной, не грех и выпить.

И вот увидел он женщину, которая лишила его невинности, с которой он первый раз в своей жизни улетел в приятное блаженство. За прилавком пивной стояла та самая Машка, которая соблазнила его в юности. Точнее, не совсем та. Если фигура у Машки только чуть-чуть изменилась, то лицо осунулось и немного постарело.

– Здравствуй, Маша, – подойдя к прилавку, произнес Меченосец.

Машка внимательно посмотрела на молодого здоровяка и, узнав в нем Павла, воскликнула:

– Пашка, неужели это ты?

– Я, Маша, собственной персоной, – ответил Меченосец.

Машка с нежностью посмотрела на Меченосца и произнесла:

– Пашка, а я о тебе часто вспоминала.

От ее взгляда по телу Меченосца, словно электрический заряд пробежал. Он густо покраснел и попросил:

– Налей-ка нам две кружки пива. Хочу с приятелем встречу отметить.

– А что пивом, – удивилась Машка, – у нас встречи водочкой отмечают.

Меченосец посмотрел на Серегу и, заметив одобрение в его глазах, произнес:

– Давай тогда и чекушку. Да, еще и закуски какой-нибудь принеси.

Машка быстро выполнила заказ Меченосца, а, уходя за прилавок, на ушко спросила:

– А со мной не хочешь встречу отметить?

Меченосец заглянул в Машкины глаза и, в знак согласия, кивнул головой.

Чокнувшись, приятели отпили из кружек по большому глотку и дополнили их содержимым чекушки.

От ерша их языки развязались, и Серега рассказал Меченосцу про всю ребячню, с которой тот проводил свое детство. Большинство ребят, ушедших в конце войны на фронт, так и не вернулось в родной город. Кто погиб, а кто, как Меченосец, осел в большом городе. Из-за этого многие из девчонок так и остались незамужними. Прыгавшей на спине Меченосца Нюрке подфартило, она удачно вышла замуж за начальника городского отдела милиции, который старше ее на одиннадцать лет. У них растут два пацана—погодки, и из Нюрки так и прет женское счастье.

После того, как кружки опустели, Серега предложил выпить еще, но Меченосец отказался, сославшись на то, что дома его ждут родичи.

Пред тем, как уйти, он подошел к Машке и пообещал ей, что обязательно придет за ней перед закрытием пивной.

От этих слов искорка счастья осветила Машкины глаза, и она нежно проворковала:

– Так я тебя жду, Павлик.

Вечером, как и обещал, Меченосец зашел за Машкой, и она, быстро закрыв пивную, пригласила его к себе.

Не успели они пройти до перекрестка, как Машку окликнул какой-то мужик:

– Что, стерва, нового хахаля себе нашла?

Машка резко остановилась и, не поворачивая головы, произнесла:

– Шел бы ты, Степочка, к себе домой.

– Я пойду домой только после того, как намылю шею твоему провожатому, а потом и с тобой разберусь – угрожающе заявил Степа.

Подойдя к Меченосцу, Степа спросил:

– Тебя унести, или ты сам смоешься?

Меченосец не стал ждать, пока Степа пустит в ход свои кулаки. Развернувшись, он приложился кулаком к Степину подбородку, и тот, как подкошенный, завалился на землю.

Машка схватила за руку Меченосца и потащила его прочь. Только войдя в квартиру, она перевела дух.

– Павел, зря ты его так, я бы и сама с ним договорилась, – с сожалением произнесла Машка.

– Так и договаривалась бы, – спокойно сказал Меченосец, – а то, еще бы секунда, и его кулак прошелся бы по моему стопроцентному носу.

– Да, он только с виду такой, – сказала Машка, – это в нем градусы играют.

– Не градусы, а детство в жопе у него играет, – возразил Меченосец, – в его-то возрасте пора бы уж и остепениться.

Посмотрев на рассерженного Меченосца, Машка поняла, что зашла слишком далеко, поэтому, подойдя к Меченосцу, она взяла его за голову и, заглянув в глаза, спросила, как тогда:

– Пашка, а ты с девчонками-то целовался?

– Конечно, целовался, – ответил Меченосец.

И, как тогда, она попросила:

– А покажи, как ты с ними целовался.

И тут Меченосец схватил Машку на руки и, завалив на диван, сделал ей такой французский поцелуй, от которого у Машки перехватило дыхание и стало мокро между ног.

Они не помнят, как сбросили свои одежды, как свалились с дивана на пол, как срослись дрожащими телами. Десятки минут пролетели как одно мгновение, но это мгновение было так прекрасно, что, глотнув коньячку, они вновь сцепились в объятьях, но теперь уже на кровати.

А утром к Машке в дверь очень сильно постучали.

Спросив: «Кто там», она в ответ услышала:

– Откройте, милиция.

И, действительно, в квартиру вошли два милиционера и гражданский следователь.

Увидев в кровати Меченосца, следователь попросил предъявить документы, а, кроме справки об освобождении, у Меченосца других документов не оказалось. Да и откуда им было взяться.

Два милиционера взяли Меченосца под белые ручки и, как не упрашивала Машка, отвели его в милицейскую машину.

Только в милиции Меченосец узнал причину своего ареста.

Оказалось, что вчера вечером своим ударом он сломал Степанову челюсть, и об этом через полчаса узнала местная докторша, а потом и следователь прокуратуры.

Бедная Авдотья, узнав о том, что ее Павлуша, ее кровинушка попал в милицию, бросилась со всех ног к Наталье, у которой уже сидела заплаканная Машка. В три женских головы они разработали план дальнейших действий по вызволению Меченосца.

Машка решила пойти к Степану домой и поговорить по—хорошему с ним и его матерью, а Наталья побежала к Нюрке, чтобы посоветоваться с ней.

В конце концов, Машка уговорила Степана, посулив ему определенную сумму, и тот согласился забрать из милиции свое заявление.

Нюрка в свою очередь упростила мужа посодействовать в том, чтобы дело заключенного Филаретова Павла Петровича было закрыто. Более того, по знакомству ему был срочно оформлен паспорт, и он вновь стал законопослушным гражданином своей Родины.

Вот, что значит женская отзывчивость и женская благодарность. Разве побежала бы Машка просить за какого-то ханыгу. Разве стала бы уговаривать своего мужа Нюрка за нехорошего человека.

Значит, Меченосец, со всеми его выкрутасами, был, все-таки, человеком неплохим.

И если бы не женщины, которых Меченосец по—своему любил, сидеть бы ему за Степанову челюсть годков эдак пять, так как с момента его освобождения из мест не столь отдаленных прошло всего три дня.

Выйдя из КПЗ, Меченосец поспешил домой, а на следующее утро, простившись с родными, покинул город своего детства, чтобы уже никогда в нем не появляться.

Хотя нет, он все-таки приехал в этот забытый им город. Приехал затем, чтобы похоронить забытую им мать.

Дорога на запад

До Ленинграда поезд шел целых пять дней и, чтобы скоротать время, то в одном купе, то в другом пассажиры садились за карты. В большинстве своем играли на щелбаны, но находились желающие поиграть и на интерес. Кроме Меченосца, в купе разместились: молодой лейтенант, недавно окончивший Иркутское военное училище, сорокалетний бухгалтер Иркутского Облпотребсоюза и молодая женщина из Ангарска.

Молодой лейтенант ехал к новому месту службы, бухгалтер спешил на какие-то курсы, а молодая женщина решила навестить своих родителей.

Вечером в их купе постучали, и симпатичный человек средних лет предложил им скоротать время за карточной игрой.

Сначала они вчетвером поиграли в переводного дурака, потом Симпатыга предложил им сразиться в очко и молодой лейтенант с Меченосцем согласились.

Бухгалтер с молодой женщиной забрались на верхние полки и стали готовиться ко сну.

Игра в очко началась, и поначалу военный не единожды снимал банк. После очередной победы он поднимал голову и радостными глазами смотрел на молодую женщину, которая, свесившись со второй полки, наблюдала за их игрой. Своей улыбкой молодая женщина подбадривала военного.

Меченосец, помнивший инструкции великого шулера Валеры, в первых партиях особо не ввязывался в противоборство Симпатыги, как прозвал он симпатичного мужчину, и молодого военного. Ему даже составляло удовольствие наблюдать затем, как профессионально Симпатыга заманивает молодого офицера. Своими неуклюжими жестами и ходами Меченосец старался усыпить бдительность Симпатыги и, в конце концов, выиграть у него.

И вот настал момент, когда Симпатыга стал медленно и верно выигрывать у военного и Меченосца.

– Все, – решил Меченосец, – пора начинать, а то Симпатыга сорвет куш и попытается свернуть игру.

И Меченосец пустил в ход весь арсенал шулерских приемов. Бухгалтер и молодая женщина уже мирно храпели на своих полках, а за столом страсти только разгорались, хотя игроки старались шепотом объявлять о своих решениях. «Пас», «еще», «себе», «очко», «перебор» летали над столом, делая кого-то выигравшим, а кого-то проигравшим.

Под утро молодой военный вывернул наизнанку свое новенькое портмоне и, расстроенный, вышел из купе.

Симпатыга тоже немножко проиграл и, с интересом посмотрев на Меченосца, предложил ему:

– А не пообедать ли нам сегодня вместе?

Меченосец с удовольствием согласился и, закрыв за Симпатыгой дверь, улегся на свою полку.

Он уже крепко спал, когда военный вернулся в купе и, уткнувшись носом в подушку, о чем-то задумался. А думать ему было о чем. Все подъемные проиграны, осталась только мелочевка, которой с большим трудом хватит на то, чтобы перекусить в дороге.

За этими грустными мыслями он долго ворочался, потом не заметил, как заснул.

А Меченосец ровно в два часа дня проснулся и, сходя в туалет, направился в ресторан. Войдя в ресторан, Меченосец увидел Симпатыгу и проследовал к его столику.

Сев за столик, он спросил:

– Ну, как, хоть немного поспали?

– Можно сказать, что не сомкнул глаз, – ответил Симпатыга, – обычно, после проигрыша я еще долго анализирую прошедшую игру.

В это время к их столику подошел официант и, приняв заказ, удалился.

А заказали они бутылочку водочки с запивкой, по овощному салатику и по отбивной.

– Ну и как Ваш анализ, а, впрочем, как Вас зовут? – спросил Меченосец.

– Ну, допустим, Сергеем Степановичем, – представился Симпатыга, – а Вас как?

– А меня, без допустим, Павлом Петровичем, – в свою очередь представился Меченосец.

– Очень приятно, – без особой приятности в голосе произнес Сергей Степанович, – что касается моего анализа, то я убедился в том, что Вы прошли отличную школу картежной игры.

– Да, у меня был хороший учитель, – сообщил Меченосец.

– Уж, не в местах ли не столь отдаленных, – вновь спросил Сергей Степанович.

– А если в них, – дерзко ответил Меченосец.

– Да, Вы не обижайтесь, Павел, я ведь тоже там бывал, – разоткровенничался Сергей Степанович.

В это время официант принес спиртное и салаты.

Сергей Степанович разлил водочку по стопкам и предложил:

– Павел, давайте выпьем за знакомство, может быть, оно будет взаимовыгодным.

Они опрокинули по стопочке и закусили водочку овощным салатом.

– Может быть, Вы откроете имя Вашего учителя, – поинтересовался Сергей Степанович.

Меченосец ненадолго задумался, посмотрел Сергею Степановичу в глаза, но имени учителя не назвал.

– Ну, хорошо, – согласился Сергей Степанович, – не хотите говорить и не надо. А почему Вы не спрашиваете о том, чем мы друг другу можем быть полезны?

– Да я уже догадываюсь, – ответил Меченосец, – хотите взять меня в компаньоны?

– Какой Вы, однако, догадливый, – съязвил Сергей Степанович, – в общем-то, верно. Я как раз и хотел предложить Вам сотрудничество.

Меченосец опять задумался и произнес:

– То есть, Вы предлагаете мне партнерство в картежном промысле?

– Совершенно верно, – подтвердил Сергей Степанович, – у нас с Вами должно неплохо получиться.

– Хорошо, – согласился Меченосец, – готов попробовать новое для меня дело.

– Тогда за это надо выпить, – сказав это, Сергей Степанович разлил водочку по стопкам и добавил:

– За удачу, которая, я уверен, будет сопутствовать нам.

Официант очень кстати принес отбивные, и собеседники с аппетитом за них принялись.

Попробовав отбивную, Сергей Степанович сказал:

– Павел, в моем купе едут два каких-то снабженца. Чувствует мое сердце, что фраера при деньгах. Я уже интересовался, из картежных игр они предпочитают только преферанс.

– Ну, что ж, будем играть в преферанс, – согласился Меченосец.

– Значит, действуем следующим образом, я им намекаю на игру в преферанс, – предложил Сергей Степанович, – если они согласятся, то я им посоветую поискать четвертого в вашем купе. Думаю, что твои соседи вряд ли примут их приглашение, а ты, немного покочевряжившись, согласишься.

Допив бутылку водки, они вернулись в свой вагон и разошлись по купе.

Минут через двадцать в купе Меченосца постучали и, испросив разрешения, в дверях появился полноватый мужчина лет сорока.

– Не желает ли кто-нибудь из вас составить нам компанию по преферансу? – спросил Толстячок, как мысленно назвал его Меченосец.

Молодая женщина и бухгалтер вежливо отказались, военный даже не взглянул в сторону толстячка, а Меченосец, немного подумав, сказал:

– Ну, раз никто не хочет, тогда я решаю. Правда, я не очень хорошо играю в карты.

– Ничего, – браво воскликнул Толстячок, – мы все не профессионалы, но если что, всегда поможем.

В своем купе Толстячок представил Меченосца:

– А вот и наш новый партнер по преферансу и зовут его. Кстати, а как Вас зовут? – обратился он к Меченосцу.

– Зовут меня Павлом, – представился Меченосец.

– Вот и отлично, Павел, – воскликнул лысоватый мужчина лет сорока пяти, – дорога у нас дальняя, а где, как не за картами время пролетает незаметно.

Они усадили Меченосца за стол, расчертили табличку, договорились играть по десять часов в день с часовым перерывом на обед и закончить игру за час до прибытия поезда на Ленинградский вокзал. Толстячок раскинул карты на право первой раздачи, и это право досталось Лысому. Итак, долгоиграющий сеанс игры в преферанс начался.

В первый вечер крупно выиграл Толстячек, Лысый тоже не остался в проигрыше, а вот Сергею Степановичу явно не повезло. Из своего портмоне ему пришлось вытащить солидную кучу двадцатипятирублевых купюр.

Якобы с горя он пошел в ресторан, и там к нему присоединился Меченосец.

– Ну, что ж, – сказал Сергей Степанович, – все идет, как нельзя лучше. Глазенки у соседей загорелись, теперь они будут стараться закрепить свой успех.

Выпив по сто грамм коньячку, они обсудили игровую ситуацию и откорректировали план дальнейших совместных действий.

Этой ночью что Меченосец, что Сергей Степанович спали спокойно и утром, позавтракав,

вновь встретились в купе за столом с преферансной сеткой.

Сегодня Толстячку выпало раздавать карты первым и, прежде чем приступить к раздаче, он потер руки в ожидании очередного успеха и, взяв колоду карт в руки, произнес:

– Ну, с богом.

– Будет тебе бог, будет тебе и приход, – усмехнувшись, про себя подумал Сергей Степанович.

В общем, к обеду Толстячок и Лысый проиграли немного, а вот после обеда, начав зарываться, продули значительную сумму.

Придя вечером в ресторан, Сергей Степанович и Меченосец заказали традиционных двести грамм коньячку и по паре бутербродов со шпротами и красной рыбой.

Не успели они пригубить по второй, как в ресторан вошла молодая женщина из купе, где расположился Меченосец. Увидев Меченосца, она подошла к их столику и, обратившись к Сергею Степановичу, попросила разрешения составить им компанию.

– Конечно, конечно, – засуетился Сергей Степанович, – будем рады видеть Вас за нашим столом.

Сказав это, он помог женщине сесть за стол и поинтересовался:

– Может быть, коньячку?

– Нет, что Вы, кроме шампанского я ничего из спиртного не употребляю, – призналась женщина.

– Тогда шампанского, – утвердительно сказал Сергей Степанович и, позвав официанта, распорядился:

– Бутылочку шампанского, шоколадку и еще раз по сто коньячку.

Когда официант выполнил заказ, Сергей Степанович с шумом открыл бутылку шампанского и наполнил бокалы.

– За Вашу красоту, – предложил он, обратившись к женщине.

Они выпили шампанского, и Сергей Степанович спросил:

– А как зовут столь прелестное создание?

– Вы мне льстите, но все равно приятно, – смутилась женщина, – зовут меня Надежда Владимировна, можно просто Надежда.

– Очень приятно, – сказал Сергей Степанович и, обратившись к Меченосцу, произнес, – слышал Павел, теперь у нас есть своя Надежда.

– Думаю, что она у Вас и до этого была, – с улыбкой произнесла Надежда.

– До этого, у каждого из нас была своя надежда, а теперь Вы – наша общая Надежда, – высокопарно заявил Сергей Степанович.

– А Вы тоже так думаете? – обратилась Надежда к Меченосцу.

– Нам сейчас очень нужна общая надежда, – уклончиво заявил Меченосец.

– А почему она вам так нужна? – в очередной раз спросила Надежда.

– А потому, что в преферансе без надежды нельзя, – не найдя лучшего варианта, сморозил Меченосец.

Заметив на миленьком лице Надежды тень недовольства, Сергей Степанович предложил новый тост:

– А теперь давайте выпьем за ваше прекрасное имя.

Выпив шампанского, Надежда продолжила разговор на тему надежды.

– Мне кажется, – сказала она, – игрокам в карты важнее удача, а не надежда.

– Удача тоже важна, – согласился с ней Меченосец, – но без надежды не может быть и удачи.

– Вон как Вы завернули, – засмеялась Надежда, – тогда я согласна быть вашей надеждой.

– Ура, – воскликнул Сергей Степанович и предложил за это обязательно выпить.

Встретив в ресторане новые сутки, они пошли в вагон, и там Сергей Степанович, пожелав им спокойной ночи, скрылся в купе.

Подойдя к своему купе, Меченосец хотел открыть дверь, но Надежда остановила его, сказав:

– Павел, давайте еще немного постоим.

В этот раз они решились только на два совершенно разных поцелуя, по причине которых Меченосцем завладела бессонница, и он долго не мог заснуть, ворочаясь на верхней полке. Иногда он наклонялся с полки, пытаясь в темноте рассмотреть Надеждино лицо, а, может быть, и еще что-нибудь.

Меченосец до сих пор ощущал на своих губах второй поцелуй, потому что тот был долгим по времени и страстным по темпераменту.

Это вам не первый поцелуй, которым Меченосец и Надежда осторожно проверили зарождающиеся чувства.

На следующий день игра возобновилась в том же составе, только Меченосец выглядел не совсем презентабельно. Бессонная ночь нарисовала на его лице гримасу недовольства, а карты расплывались у него в глазах.

Если бы не Сергей Степанович, то до обеда проиграли бы они значительно больше.

В обед Сергей Степанович недовольно сказал:

– Павел, ты должен помнить народную поговорку: «Повезет в любви, не повезет в картах».

– А я ни в кого и не влюбляюсь, – потупив глаза, произнес Меченосец.

– Может быть, ты и не влюбляешься, но бессонную ночь не проводят в одиночку, – осуждающе произнес Сергей Степанович.

– Хорошо, я постараюсь взбодриться, – пообещал Меченосец.

– Для того, чтобы взбодриться, помочи голову холодной водой, а потом и за стол садись, – порекомендовал Сергей Степанович.

Перед игрой Меченосец выполнил рекомендацию Сергея Степановича и с мокрой головой появился в купе.

До десяти часов вечера Меченосец с Сергеем Степановичем сумели отыграть проигранное днем, еще больше заведя Толстячка и Лысого.

В ресторане к ним опять подседа Надежда, и Сергей Степанович возобновил свое словоблудие:

– Надежда, дальняя дорога делает Вас еще красивей.

– Вы хотите посоветовать, чтобы я всю свою жизнь провела на колесах? – с усмешкой произнесла Надежда.

– Милая Надежда, если только с нами, верно Павел? – обратился он к Меченосцу.

– С Вами полностью согласен, – поддержал он Сергея Степановича и, налив в бокалы шампанского, предложил, – хочу выпить за то, чтобы Надежда вспоминала это путешествие с улыбкой, а мы постараемся ее не огорчать.

Они выпили за «путешествие с улыбкой», и Надежда с ноткой грусти произнесла:

– А вот кому сейчас не до улыбок, так это нашему лейтенанту. Если в самом начале пути он был по—гусарски внимателен и весел, то теперь слова лишнего не скажет. Сидит, как сыч, и неотрывно смотрит в окно.

– Его можно понять, – сказал Сергей Степанович, – он слишком много проиграл.

– Мне показалось, что вы его просто развели, – сказала Надежда.

– Ничего не развели, – попытался возразить Меченосец, – он сам излишне рисковал и проигрался.

– Все мы чем-то рискуем, – поучительно изрек Сергей Степанович, – а кто не рискует, тот не пьет шампанского, – добавил он и, дополнив бокалы, предложил, – Надежда, давайте не будем о грустном. Я хочу выпить за Ваши зеленоватые глаза. Такой цвет глаз принадлежит коварным женщинам. За Ваши глаза.

Они опять пригубили шампанского, и, чтобы не возвращаться к грустной теме, Сергей Степанович затянул:

– Очаровательные глазки, очаровали Вы меня, сколько в вас жизни, сколько ласки, сколько в вас страсти и огня».

Закончив петь, он воскликнул:

– Мне бы очень хотелось встретиться с Вами в Ленинграде. Вы не будете против, если я попрошусь на свидание с Вами.

– Сергей Степанович, если это свидание будет деловым или дружеским, тогда «да», – кокетливо произнесла Надежда.

– А на какое еще свидание я, старый, могу претендовать, – с огорчением сказал Сергей Степанович.

– Какой же Вы старый, – попыталась утешить его Надежда, – Вы мужчина в самом соку, верно, Павел?

Меченосцу уже давно их диалог не доставлял особой радости, поэтому он в грубоватой форме ответил:

– Не знаю, не знаю. Вам женщинам видней.

Заметив его раздражение, Сергей Степанович спросил:

– Павел, ты никак обиделся?

– Ничего я не обиделся, – по—мальчишески откровенно сказал Меченосец, – просто я сегодня не выспался, поэтому хочу откланяться и покинуть ваше приятное общество.

– Посиди еще немного, – попытался остановить его Сергей Степанович, – минут через десять мы тоже пойдем.

– Уже решает за «мы», – про себя подумал Меченосец, а в слух сказал, – вы не обижайтесь, я, действительно, не выспался.

Сказав это, он встал из-за стола и направился к выходу.

Через десять минут он забрался на вторую полку и собирался заснуть, как в купе тихо вошла Надежда.

Разбирая постель, она своей головой чуть не коснулась носа Меченосца, а завораживающая волна ее духов заставила Меченосца раздуть чувствительные ноздри. Как настоящий самец, он глубоко вдохнул этот приятный запах и, не сдержав чувств, притянул ее к себе и присосался к губам.

Надежда попыталась вырваться из его тисков, но, поняв тщетность своей попытки, положила правую руку ему на грудь и прошептала:

– Павел, мы же не одни.

Меченосец взял рукой ее правую руку и, преодолев небольшое сопротивление, перенес ее чуть ниже живота. Надежда попробовала убрать руку от объекта напряженности, но Меченосец удержал ее руку и так же тихо прошептал:

– А что я могу сделать?

– Спать, – шепотом ответила Надежда, но движение ее руки говорило о другом.

Меченосец с еще большим желанием впился в ее губы, и их страстный поцелуй заглушил вырывающийся из его груди стон.

– А теперь спи, – прошептала Надежда, – завтра тебе нужно быть в хорошей форме.

Эту ночь Меченосец спал, как убитый.

А вот Надежда долго не могла уснуть, так как ее рука не хотела отдавать будоражащего тепла и ощущения пульсации чего-то большого и напряженного.

В голове у Надежды роились мысли, которые до этого еще никогда не посещали ее.

– Вот это настоящий мужчина, – думала она, – не то, что мой хлюпик. Зачем нужно было заканчивать ВУЗ, чтобы ехать потом из Ленинграда в эту сибирскую глушь. Так всю жизнь без цивилизации и проживем. Да и разве мой муж может так целовать. От поцелуев Павла у меня не только голова кружится, но и все тело начинает дрожать в предвкушение чего-то большего. А от мужниных поцелуев с его трехдневной небритостью только лицо горит, да никотиновый привкус остается.

С этими мыслями Надежда и уснула.

Наступивший день начался с небольшого завтрака в пустынном вагоне—ресторане. Перед игрой наши картежники подкрепились яичницей, выпили по чашечке кофе с бутербродом и, заряженные на победу, появились за игровым столом.

Проиграв своим соперникам в начале игры, они подраздели их до обеда а, пообедав, решили опять усыпить бдительность несколькими необязательными пасами.

В конце концов, Толстячок и Лысый к концу дня проиграли приличные суммы.

В вагоне-ресторане Сергей Степанович поднял первый бокал в честь Надежды, которая сегодня была их надеждой, принесшей удачу.

Надежда, в свою очередь, поблагодарила Сергея Степановича за приятный тост и предложила выпить за их удачное партнерство.

В общем, наговорив друг другу приятностей, они разошлись по своим купе, но Меченосец и Надежда через минуту вновь вышли в тамбур. Не буду мешать им своим любопытством, но предчувствие подсказывает мне, что Меченосец с присущим только ему темпераментом отблагодарил Надежду за ночное удовольствие.

Да и вообще, причем здесь предчувствие, если весь утренний вид Надежды говорил о том, что ночью она была на вершине эротического блаженства. Когда Меченосец спустился со своей полки, она, не скрывая своих чувств, обняла и поцеловала счастливицу.

Этот поцелуй еще больше раззадорил Меченосца, и в этот день Толстячок и Лысый были существенно раздеты.

По традиции вечером наша троица собралась в вагоне—ресторане. Опять были ласкающие уши тосты, вкусное шампанское, приличный десерт и разговор, который, казалось, не входил в регламент вечернего застолья.

Начал разговор Меченосец.

– Сергей Степанович, я долго думал над словами Надежды о настроении лейтенанта, – начал он, – а сегодня утром посмотрел на сникшего молодца и подумал: «Может быть, помочь парню»?

– А как ты собираешься ему помочь? – спросил его Сергей Степанович, – не думаешь же ты вернуть ему проигранные им деньги?

– Конечно, нет, – ответил Меченосец, – да и вряд ли он их возьмет.

– А что же тогда? – вступила в разговор Надежда.

– А тогда потребуется твоя помощь, – сказал Меченосец.

– Слушай, не говори загадками, не томи душу, – воскликнул Сергей Степанович.

– Какие загадки, я хочу попросить Надежду об одном одолжении, – произнес Меченосец.

– О каком одолжении? – спросила Надежда.

– Так как проигранных денег лейтенант не возьмет, Надежда должна уговорить его сесть за игровой стол, – сообщил Меченосец.

– А что, план неплохой, – согласился с ним Сергей Степанович.

– Может быть, план и хороший, но как мне его уговорить, – спросила Надежда.

– Надежда, Вы же опытная женщина, – воскликнул Сергей Степанович, – мне кажется, вам не составит труда уговорить лейтенанта.

На том и остановились. Надежда уговаривает лейтенанта вернуться к игре, а после десяти вечера вместо ресторана Сергей Степанович и Меченосец садятся за картежную игру.

Пусть останется секретом то, как смогла уговорить лейтенанта Надежда, но в десять часов вечера следующего дня после выигрыша в преферанс, Сергей Степанович и Меченосец засели с лейтенантом за очко. К полуночи они проиграли лейтенанту чуть больше денег, чем те, которые он оставил в прошлый раз.

Засыпая, Меченосец услышал шепот лейтенанта:

– Надежда Владимировна, а Вы, действительно, ясновидящая.

Утром первым в купе проснулся лейтенант. Сходив в ресторан, он принес бутылку шампанского, шоколад и даже раздобыл где-то дыньку.

Дынный нектар разбудил не только Надежду, но и крепко спавшего бухгалтера.

– Откуда такая прелесть? – воскликнул он, протирая глаза.

– Оказывается в соседнем вагоне едет к своим друзьям узбек, – сообщил лейтенант, – унюхав у него дынный запах, я выменял у него дыню на свой кожаный бумажник.

– А как же ты теперь без бумажника? – спросил проснувшийся Меченосец.

– Ерунда, я себе в Ленинграде новый куплю, – уверенно произнес лейтенант.

– Молодец, – похвалил его Меченосец и, обратившись к Надежде, предположил, – Надежда, для нас с бухгалтером лейтенант не стал бы так стараться.

– А что для Вас стараться-то, – с улыбкой произнесла Надежда, – настоящий гусар для мужчин не старается.

– Да, сегодня лейтенант и впрямь на гусара похож, – подтвердил бухгалтер, – так мы что, прямо с утра и начнем?

– Конечно, – сказал лейтенант, – сейчас прямо и начнем.

Он разрезал дыню, налил по стаканам шампанского и предложил выпить за прекрасную Надежду Владимировну.

– За дам гусары пьют стоя, – напомнил Меченосец, и мужчины стоя выпили за единственную женщину данного купе.

И тут раздался стук в дверь, это за Меченосцем пришел Толстячок. Увидев на столе приятный натюрморт, он произнес:

– А мы то думаем, что это Павел к нам не идет.

Надежда посмотрела на Толстячка и предложила:

– А, может быть, вы присоединитесь к нам?

– Я бы с удовольствием, – ответил Толстячок, – но, вы же знаете, что договоренность игроков в преферанс превыше всего.

– Совершенно верно, – поддержал его Меченосец, – как ни хочется остаться в приятной компании, но долг обязывает.

Извинившись перед Надеждой и компанией, Меченосец с Толстячком покинули купе.

В соседнем купе их ждала колода карт и два партнера, в сознании которых теплилась надежда на успех.

Но успех в этот день опять сопутствовал Меченосцу и Сергею Степановичу.

А через четыре часа поезд прибыл на Московский вокзал города Ленинграда.

Высыпав на перрон, пассажиры поезда заспешили по своим делам, порой даже не простившись с соседями по купе.

Лейтенанта ждала служба на новом для него месте, бухгалтер заспешил на специализированные курсы. Толстячка с Лысым встречали какие-то важные дяди, Надежда искала глазами кого-то в толпе встречающих, Сергей Степанович и Меченосец никого не искали.

Наконец, Надежда увидела того, которого искала и замахала ему рукой. К ней подошел интеллигентного вида мужчина, и Меченосец понял, что Надежду приехал встречать отец.

Прощаясь, Надежда сунула в руку Меченосца какую-то бумажку, помахала рукой Сергею Степановичу и заспешила вместе с отцом к выходу с вокзала.

Здравствуй, Ленинград

Проводив взглядом Надежду, Сергей Степанович предложил Меченосцу снять в гостинице «Октябрьской» номер на двоих, разделить солидный куш, который они сорвали за долгую дорогу и, если партнерство Меченосцу понравилось, обсудить план дальнейших действий.

Так они и сделали. Сняв двухместный люкс, они привели себя в порядок, разделили побратски денежный выигрыш и спустились в местный ресторан.

С трудом найдя свободный столик, они заказали бутылочку коньяку, лимончик, бутерброды с семгой и икрой, а из горячих блюд – шашлычок по-ка рски.

Коньячок под семушку и икру обогрел души партнеров по карточному промыслу, и они пустились в пространные воспоминания о недавно закончившейся игре.

– Красиво ты их взял на девять червей, – сказал один.

– А мне твой мизер очень понравился, – воскликнул другой.

Перекидываясь аналогичными фразами, они не заметили, как опустошили бутылку коньяку и, не сговариваясь, заказали другую, так как шашлык по-ка рски уже дымился у них на столе.

Не успели они налить из второй бутылки, как к их столу подошла молодая блондинка и, обратившись к Меченосцу, спросила:

– Я могу Вас пригласить на танец?

– А что, разве ведущий объявил белый танец, – вопросом на вопрос ответил Меченосец.

– Нет, никто белого танца не объявлял, но если мужчина не приглашает женщину, то...

– То женщина тянется к мужчине, – дополнил блондинку Сергей Степанович, – и правильно делает. Павел, не гоже отказывать красивой и стройной.

– А я и не думаю отказывать, – ответил Меченосец и, подмигнув Сергею Степановичу, произнес – я просто очень смутился. Меня еще никто и никогда не снимал.

– Все всегда бывает впервые, – констатировал Сергей Степанович, – иди, не томи красотку, а то передумает.

Меченосец встал и, взяв девушку под ручку, вышел с ней в центр зала.

Во время танца девушка положила голову на его плечо и нежно сказала:

– Мужчина, Вы мне очень понравились.

– А как тебя зовут? – спросил Меченосец.

– Меня зовут Жанной, – ответила девушка.

– На вид тебя можно назвать Фросей, – подумал Меченосец, – но, пусть будет Жанна.

В слух же он спросил:

– Жанна, ты уже заметила, что я не один?

– Конечно, – воскликнула Жанна, – но у меня есть подруга, которая, думаю, понравится Вашему другу.

После танца она махнула кому-то рукой, и к столику они подходили уже втроем.

Усадив девушек за стол, Сергей Степанович налил им коньяку и, подзвав официанта, заказал еще шашлычок и бутылку шампанского.

– Милые девушки, предлагаю выпить за наше знакомство, – с особой важностью заявил он, – кстати, меня зовут Сергеем Степановичем.

– Очень приятно, – проворковала Жанна, – меня зовут Жанной, а мою подругу Беллой.

– Ну, что ж, сначала выпьем за Жанну, – уточнил тост Сергей Степанович и первым опрокинул содержимое бокала в свое нутро.

В это время официант принес бутылку шампанского, и Меченосец наполним им фужеры девушек.

– Теперь пора выпить за Беллу, – предложил он.

– Девушка с таким красивым именем достойна отдельного тоста, – поддержал его Сергей Степанович.

От этих слов у Беллы закружилась голова и она побагровела, как... Хотел написать «как рак», но передумал. Даже слишком багровая девица на рака совсем не похожа.

Они выпили за Беллу, и та разоткровенничалась:

– Вы не подумайте, мы девушки порядочные, просто в городе сейчас так скучно.

– Не переживай, Белла, – успокоил ее Сергей Степанович, – весь ваш вид говорит о порядочности и целомудрии. Я правильно говорю, Павел?

– Сергей Степанович, о чем базар, – забывшись, перешел на феню Меченосец, – девочки, что надо.

– Ну, а если девочки – цимус, то и выпьем за них, – предложил Сергей Степанович.

Официант принес шашлычок, и голодные девицы, забыв о порядочности, набросились на него. Мужчины незаметно переглянулись, и Сергей Степанович показал в знак одобрения большой палец.

Проглотив непрожеванный кусок баранины, Жанна запила его шампанским и предложила выпить за настоящих мужчин, которые сидят рядом с ней.

Мужчины с удовольствием присоединились к этому тосту, а Белла все никак не могла оторваться от тарелки с шашлыком. Наконец, она положила шампур на тарелку и, взяв бокал, чокнулась с мужчинами.

Хотя Меченосец был уверен в том, что девицы приезжие, для поддержания разговора он все-таки спросил:

– А вы, сами-то, местные?

– Конечно, – быстро ответила Белла, но, посмотрев на Жанну, существенно откорректировала свой ответ, – теперь местные.

– А где такие красавицы произрастают? – спросил Сергей Степанович.

– Я из Петрозаводска, а вот Белла из Архангельска, – призналась Жанна.

– Так вы, можно сказать, северянки, – произнес Сергей Степанович, – посмотри, Павел, какие красавицы живут на северах.

– Да уж, – согласился Меченосец, – богата на красавиц земля наша.

– А не продолжить ли наше общение у нас в номере, – предложил Сергей Степанович.

Девицы в знак согласия активно закачали головами, и тогда Сергей Степанович подозвал официанта, рассчитался с ним и заказал в номер бутылку армянского, бутылку шампанского и, так как больше ничего на ...ского не нашлось, лимончик, сыру и пирожные.

В номере началось более близкое знакомство. Мужчин больше не интересовали их биографические данные, но данные антропометрические они решили рассмотреть самым тщательным образом. А смотреть было на что.

Когда спало с плеч Жанны крепдешинное платье и комбинация, под ними оказались обтянутые фильдикосовыми чулками стройные ножки и впечатляющая грудь, прикрытая лифчиком. Грудь была настолько впечатляющей, что Меченосец потребовал срочного скидывания мешающего лифчика. Теперь перед двумя парами мужских глаз открылись два великолепных полушария с вибрирующими сосками. Причем соски были так велики, что у Меченосца от удивления отвисла челюсть.

Белла оказалась немножко посмуглей и капельку поупитанней. Несмотря на свою упитанность, она не смогла сравниться с Жанной ни размером груди, ни округлостью зада.

Но разве дело в округлости, когда перед тобой стоят две обнаженных молодых девицы.

Старый ловелас Сергей Степанович предложил выпить за красоту обнаженного тела. Для этого он подошел к Жанне и, зажав свою рюмку между ее пышных грудей, попытался выпить ее до дна. Меченосец повторил этот прием, используя грудь Беллы.

После этого они поднесли своим девушкам по шампанскому, и пока те осушали бокалы, присосались к их зовущим соскам. И если Жанна стойко выпила свой бокал до дна, то Белла ойкнула и пролила шампанское на свою грудь. Меченосец с большим удовольствием слизал шампанское с женской груди.

Обезумевшая Белла стала срывать одежды с разомлевшего Меченосца, а возбужденная Жанна впиалась губами в полуоткрытый рот Сергея Степановича.

Для эротического танца музыки не понадобилось. Танцуя с обнаженной Белой, Меченосец увел ее в соседнюю комнату, а Сергей Степанович продолжил ласкать Жанну уже в кровати.

Под утро, когда обласканные пары провалились в глубокий сон, какая-то сила подняла Меченосца с дивана и подвела его к кровати, в которой сцепились в объятиях Сергей Степанович и Жанна. Найдя Жаннину ногу, он потянул ее на себя, стараясь стащить Жанну с кровати, но, получив пяткой в лоб, вернулся на свой диван.

Завалившись рядом с Беллой, он попробовал ее растормошить, но злобное мычание охладило его пыл, и он тоже уснул.

Около часу дня первой проснулась Жанна. Она смачно потянулась, посмотрела на спящего Сергея Степановича и, сходя в туалет, прошла в комнату, где нежились Меченосец с Беллой.

Разбудив Беллу, она попросила ее перейти к Сергею Степановичу, а сама легла под бочок Меченосцу.

Несколько минут она лежала неподвижно, но потом это ей наскучило, и она положила свою руку на живот Меченосца. Меченосец продолжал безмятежно посапывать, и Жанна стала водить рукой по груди, животу и ляжкам Меченосца. Меченосец пошевелился, но потом снова затих, и тогда Жанна принялась ласкать тело Меченосца языком и губами, а когда убедилась в том, что спящий Меченосец накрепко своего дурачка, осторожно села на него и стала медленно водить своим прелестным задом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.